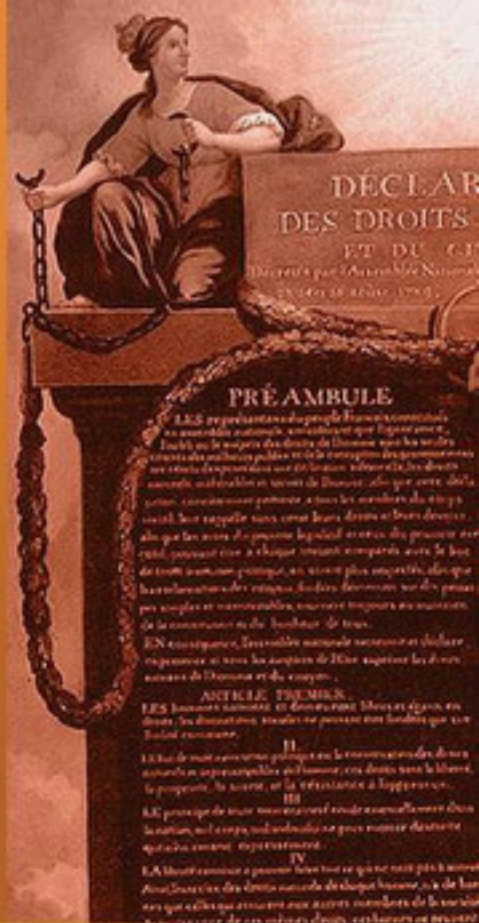

В. Ю. Захаров

РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ КОНЦА XVIII–I-Й ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ. опыт сравнительно-исторического анализа

Часть 1

ПРОМЕТЕЙ

Виталий Захаров

**Российский и зарубежный
конституционализм конца
XVIII – 1-й четверти XIX
вв. Опыт сравнительно-
исторического анализа. Часть 1**

«Прометей»

2017

УДК 342
ББК 63.3(0)52

Захаров В. Ю.

Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв. Опыт сравнительно-исторического анализа. Часть 1 / В. Ю. Захаров — «Прометей», 2017

ISBN 978-5-906879-12-7

Монография посвящена сравнительному анализу российского и зарубежного конституционализма, а также основных направлений эволюции европейского и российского абсолютизма во 2-й половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. В первой части монографии даётся характеристика конституционализма как течения общественной мысли, рассматривается его соотношение с идеологией Просвещения, либерализмом и масонством. При этом конституционализм рассматривается как один из вариантов модернизации традиционных абсолютных монархий наряду с «просвещённым абсолютизмом», «просвещённым деспотизмом» и революционным вариантом. В связи с этим проводится сравнительный текстологический анализ конституций революционной Франции и конституций ряда европейских государств эпохи Реставрации. Во второй части монографии анализируются конституционные тенденции во внутренней и внешней политике России в период правления Екатерины II, Павла I и особенно Александра I, когда возникла реальная возможность реализации концепции конституционализма на самом высшем уровне. В заключение анализируются причины неопубликования российских конституционных проектов в 1-й четверти XIX в. В Приложениях публикуются тексты российских конституционных проектов, а также тексты конституций революционной Франции 1790-х гг. и конституций европейских государств эпохи Реставрации. Многие вопросы рассматриваются впервые в отечественной историографии. Для всех интересующихся отечественной и всеобщей историей Нового времени. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 342
ББК 63.3(0)52

ISBN 978-5-906879-12-7

© Захаров В. Ю., 2017
© Прометей, 2017

Содержание

Введение	7
Обзор источников	10
Историографический обзор	16
Методология и задачи исследования	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Захаров
Российский и зарубежный
конституционализм конца XVIII – 1-й
четверти XIX вв. Опыт сравнительно-
исторического анализа. Часть 1

© В. Ю. Захаров, 2017

© Издательство «Прометей», 2017

* * *

*Посвящается научному руководителю Минаевой Нине
Васильевне*

Введение

В истории любого государства можно обнаружить ключевые, переломные моменты, когда определялось магистральное направление развития политических и социально-экономических отношений на многие десятилетия вперед. Не является исключением и Россия. Однако, характерной особенностью её истории является то, что подобные ключевые моменты практически всегда приходились на рубежи веков. Достаточно вспомнить Смутное время начала XVII в. или реформы Петра I и предшествовавшие им события на рубеже XVII и XVIII вв. Причем все эти события вели к коренному повороту в историческом развитии страны, они как бы задавали его общее направление на ближайшую перспективу.

Не стал исключением и рубеж XVIII–XIX вв. Именно в это время российский политический режим столкнулся с необходимостью адекватно отреагировать на события, происходившие в странах Западной и Центральной Европы в целях как собственного выживания в изменившихся условиях, так и модернизации политического и социально-экономического строя.

Во 2-й половине XVII – начале XVIII вв. в большинстве европейских государств сложились абсолютные монархии, опиравшиеся на традиционное право и традиционную же систему ценностей. Однако, уже во 2-й половине XVIII в. европейские абсолютные монархии вступили в полосу затяжного кризиса. Духовным проявлением этого кризиса стало возникновение философии Просвещения, оказавшей огромное воздействие на мировоззрение образованной части общества. Идеологи Просвещения (Вольтер, Монтескье, Руссо и др.) в своих трудах обосновывали неразумность существующих порядков и необходимость их изменения на рационалистических началах. Промедление с реформами, указывали они, может привести к революционному взрыву и ликвидации насильственным путем абсолютистских режимов. Таким образом, было предложено два основных пути выхода из кризиса традиционных абсолютных монархий: эволюционный (реформистский) и революционный. Воплощением первого пути стала политика «просвещенного абсолютизма», с разной степенью успеха проводившаяся в большинстве европейских государств в 60–80-е гг. XVIII в. Воплощением второго – Великая Французская революция и, отчасти, Война за независимость в США.

В России политический режим, начиная с Петра I, хотя бы во внешних проявлениях напоминал западные абсолютные монархии, многие его институты были заимствованы именно оттуда. Поэтому вполне закономерно, что российскому абсолютизму пришлось столкнуться примерно с теми же проблемами, что и классическому абсолютизму на Западе. Однако положение осложнялось рядом специфических особенностей, присущих именно России.

Во-первых, к концу XVIII века стало окончательно ясно, что наследие Петра I полностью себя исчерпало. Дальнейшие усовершенствования созданной им политической системы необходимого эффекта не давали, а управление старыми методами «служилого государства» стало попросту невозможно, примером чему являлся дворцовый переворот и убийство Павла I, попытавшегося реанимировать методы властвования Петра I. К тому же обратной стороной петровских преобразований, в том числе насильственного насаждения европейской системы ценностей среди дворянства стало осознание образованным меньшинством своих прав и, следовательно, рост оппозиционных настроений, стремление поставить абсолютную власть монарха, как минимум, в определенные правовые рамки.

Во-вторых, в социально-экономической сфере России полностью господствовали крепостнические отношения. В ряде стран Европы во 2-й половине XVIII в. крепостное право тоже ещё существовало (Франция, Австрия, Пруссия), но оно уже нигде не было таким господствующим элементом социально-экономических отношений, как в России. При этом к началу XIX века крепостнические отношения в России, с одной стороны, до конца себя ещё не исчерпали, а с другой – однозначно являлись дестабилизирующим фактором общественной жизни

(пример крестьянской войны под руководством Е. Пугачева был перед глазами). Причем при сопоставлении с событиями Французской революции роль и характер этого фактора становились особенно очевидными. Это, в свою очередь, предопределяло тесную связь реформы политической системы с решением крестьянского вопроса.

В-третьих, Россия являлась типичной страной догоняющего развития. Приобретя при Петре I статус «великой державы» и включившись в соревнование с экономически более развитыми европейскими государствами, Россия оказалась как бы запрограммированной на *периодическое повторение модернизации*. Альтернативой являлась потеря великодержавного имперского статуса со всеми вытекающими последствиями. Исходя из этого, российский правящий режим должен был неизбежно ориентироваться на опыт западноевропейских государств, вплоть до прямых заимствований. С другой стороны, догоняющий характер развития неизбежно вел к сжиманию во времени самого процесса преобразований, что могло породить негативные дополнительные последствия, особенно в отношении рядового населения.

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. российский абсолютистский режим столкнулся с насущной необходимостью проведения серьезных преобразований во всех сферах жизни, но, прежде всего, в политической и социальной. Дилемма «реформы или революция», естественно, была решена в пользу реформ. Был, правда, и ещё один вариант – бездействие, выживание, но пример Людовика XVI во Франции ясно показал, к чему это может привести. Итак, выбор был сделан в пользу реформ. Однако, возникал вполне конкретный вопрос: что реформировать в первую очередь и как проводить преобразования.

Настоящее исследование как раз и посвящено анализу возможных вариантов эволюции российского абсолютизма, и прежде всего, конституционализму. Основное внимание будет уделено правлению Александра I, так как именно ему пришлось столкнуться со всеми теми проблемами, которые были указаны выше, и которые не были решены его предшественниками. Именно ему пришлось принять настоящий цивилизационный вызов (в свете событий Французской революции) и столкнуться с необходимостью сделать кардинальный выбор из нескольких альтернатив (одна из которых была конституционной), определивший направление развития страны на ближайшую перспективу.

Следует отметить, что положение Александра I отличалось от его предшественников тем, что он уже мог более взвешенно и объективно оценить уроки Французской революции, проанализировать степень её влияния на политическое и правовое развитие европейских государств и сделать соответствующие выводы применительно к реформированию самой России. Несомненно, он видел, что одним из возможных вариантов реформирования абсолютных монархий является *конституционализм*. Судя по всему, он считал его наиболее приемлемым и выгодным как для России, так и лично для себя. Иначе трудно объяснить, почему как минимум трижды (в 1801, 1809 и в 1818–20 гг.) Александр I обращался к идее ввести в России конституцию. Поэтому в центре нашего внимания помимо конституционных проектов, подготовленных при Александре I, их предыстории, оказались и проблемы, связанные с конституционализмом вообще, как своеобразном универсальном средстве преодоления кризиса абсолютизма в странах Западной Европы и России. Учитывая, что конституционные идеи появились в России в начале XIX в. не внезапно, а имели довольно богатую предысторию, а также тот факт, что предшественники Александра I пытались использовать иные неконституционные способы проведения реформ («просвещенный абсолютизм» Екатерины II, «просвещенный деспотизм» Павла I), мы сочли необходимым расширить *рамки исследования*, которое охватывает период *со второй половины XVIII века до конца первой четверти XIX века*. Один из основных вопросов, который будет рассмотрен, касается самой возможности прямого применения западноевропейского конституционного опыта к российской действительности, а также выяснение степени взаимовлияния русской и западноевропейской конституционной мысли. В подобном

ракурсе проблема модернизации российского абсолютизма в отечественной историографии не рассматривалась.

Обзор источников

Источники по теме исследования весьма обширны. В целом их можно представить в следующих жанрах:

1) *Официальные законодательные материалы.*

Отличительной чертой *официального делопроизводства* рубежа XVIII и XIX вв. является его большой объем. Так при Павле с 6 ноября 1796 г. по 11 марта 1801 г. было издано 2179 законодательных актов (ПСЗ, № 17530-19709), то есть в среднем по 42 акта в месяц. При Александре I (1801–1825) издано 10822 акта (ПСЗ, № 19710–30532), то есть по 37 актов в месяц. Для сравнения, в период самостоятельного правления Петра I (1689–1725) издавалось в среднем 8 актов в месяц. При его преемниках и преемницах (1725–1761) – по 21 акту в месяц, а при прославленной Вольтером «северной Семирамиде» Екатерине II, славившейся своими законодательными упражнениями, – всего по 12 законодательных актов в месяц.¹ Естественно возникает вопрос отбора. При изучении проектов конституционных реформ начала XIX века, прежде всего, имеют значение законодательные акты, касающиеся вопросов государственного управления: указы 5 июня 1801 г. о правах Сената, 8 сентября 1802 г. – о реформе Сената и Манифест о создании министерств, а также ряд указов, посвященных крестьянскому вопросу, прежде всего указы 5 апреля 1797 г., 12 декабря 1801 г. и 20 февраля 1803 г.

Часть законодательных актов рубежа XVIII–XIX столетий дает представление о следствиях и результатах реформаторских планов правительства конца XVIII – начала XIX вв. и, прежде всего, истории конституционного проекта «Жалованной грамоты российскому народу» 1801 г., проекта А. Чарторижского 1802 г., проекта М. М. Сперанского 1809 г., «Уставной Грамоты Российской империи» 1818–20 гг.

Одной из задач данного исследования является *сравнение* вышеупомянутых конституционных проектов 1-й четверти XIX в. с текстами зарубежных конституций. Учитывая значительное влияние конституционного опыта революционной Франции на подготовку конституционных проектов в России, автор счел необходимым проанализировать *тексты Конституций Франции 1791, 1793, 1795 и 1799 гг.*², а также *тексты конституций ряда европейских государств эпохи Реставрации*. Чтобы получить наиболее объективную картину взаимовлияния европейского и российского конституционного опыта, нами было принято решение провести выборку европейских конституций этого периода по *региональному принципу*. В результате были использованы *Конституционная Хартия Франции 1814 г., Конституции Бадена и Баварии 1818 г.* (Западная Европа), *Конституции Швеции 1809 г. и Норвегии 1818 г.* (Северная Европа), *Конституция Португалии 1826 г.* (Южная Европа) и *Конституция Царства Польского 1815 г.* (Восточная Европа). Русскоязычные тексты всех вышеупомянутых конституций, за исключением Польской, были взяты из дореволюционного сборника «Современные конституции» под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, изданного в 1905 г.³ Русскоязычный текст Конституции Царства Польского 1815 г. взят из книги «Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881 гг.)», изданной под ред. Ш. Ашкенази в 1907 г.⁴ Все тексты вышеупомянутых конституций приводятся в авторской редакции в *Приложениях* к настоящей работе.

¹ Эйдельман Н. Я. Грань веков: политическая борьба в России конца XVIII – начала XIX вв. М., 1986. С. 38.

² Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. С. 250–282, 330–342, 380–418, 423–431.

³ Современные конституции (под ред. Гессена В. М. и Нольде Б. Э.). СПб., 1907. Т. 1. С. 45–76 (Конституция Баварии 1818 г.), С. 93–114 (Конституция герцогства Баденского 1818 г.), С. 321–350 (Конституция Норвегии 1814 г.), С. 353–382 (Конституция Португалии 1826 г.), С. 528–561 (Конституция Швеции 1809 г.).

⁴ Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881 гг.). СПб., 1907. С.

2) Среди законодательных актов были и такие, которые так и не вышли в свет. Они составляют раздел *документов делопроизводства* и дают представление о самом процессе подготовки реформ. Среди них, прежде всего, проекты «Жалованной грамоты российскому народу» 1801 г., проект М. М. Сперанского, «Уставная Грамота Российской империи» Н. Н. Новосильцева 1818–20 гг. Каждый из этих проектов представлен в разных вариантах (редакциях). Но если о количестве и последовательности редакций двух последних документов большинство исследователей придерживаются примерно одного и того же мнения (да и количество их редакций невелико и они мало чем отличаются друг от друга), то вопрос о количестве и последовательности редакций «Жалованной грамоты российскому народу» 1801 г. гораздо сложнее и, по сути, не решён до сих пор. Поэтому остановимся на этом вопросе подробнее. Сохранилось несколько редакций этого документа, которые по-разному рассматриваются исследователями.

1-я редакция – так называемый *проект А. Р. Воронцова* (или *Articles*), представленный двумя рукописями: первая написана на русском языке и хранится среди бумаг Воронцова под названием «О внутреннем правлении России»⁵; вторая, более поздняя – на французском языке, хранится в архиве с.е.и.в. Канцелярии в деле «Записка графа А. Р. Воронцова о милостивом Манифесте на коронацию императора Александра I с материалами для сего Манифеста»⁶. Оба проекта за некоторыми незначительными исключениями почти идентичны и датированы июнем 1801 года. Проект Воронцова обсуждался на заседаниях Негласного Комитета 15 и 23 июля 1801 г.⁷ Н. Н. Новосильцев подготовил свои «Замечания», два экземпляра которых на французском языке хранятся в его бумагах, относящихся к Комиссии составления законов, в одном деле с французским текстом воронцовского проекта⁸.

2-я редакция «Грамоты» сохранилась в двух экземплярах: первый – среди бумаг А. Р. Воронцова, посвященных коронации под названием «Грамота Александра I при коронации его императорского величества Российскому народу пожалованная». Сентября дня 1801 года⁹; второй экземпляр хранится среди материалов с.е. и.в. Канцелярии¹⁰. Видимо, именно этот экземпляр сопровождала записка Воронцова, Кочубея и Новосильцева от 12 августа 1801 года¹¹. Наконец, среди бумаг Новосильцева сохранились тексты статей 7, 12, 16 и 24¹².

3-я редакция из 25-ти статей сохранилась среди бумаг М. М. Сперанского, переданных К. Г. Репинским Публичной библиотеке под заглавием «Проект всемилостивейшей Грамоты Российскому народу жалуемой» с карандашной пометой Репинского на полях: «Сочинение Трошинского бывшего министра юстиции, карандашные поправки М. М. Сперанского»¹³.

Журнал заседаний Непременного Совета, на котором обсуждались некоторые статьи «Грамоты», долгое время был неизвестен исследователям. Лишь в 1970-е гг. М. М. Сафонов обнаружил его в Архиве Государственного Совета. Оказалось, этот журнал был помещен под рубрикой «Наследство по закону» и был опубликован более 100 лет назад¹⁴.

41–63.

⁵ Архив СПБОИИ РАН. (бывший архив ЛОИИ РАН) Ф. 36. Оп. I. № 400. Л. 210–215, опубликованы в книге *Радищев А. Н. Материалы и исследования*. М. – Л., 1936. С. 77–81.

⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. I. № 149. Л. 1–27; эти материалы опубликованы в приложении к Русскому архиву. 1908. № 6 в Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива с. е. и. в. Канцелярии (далее Сборник исторических материалов)

⁷ *Вел. кн. Николай Михайлович*. Граф Строганов (1774–1817). СПб., 1902–03; С. I–XX, 1–314. См. также: *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов. 1982. С. 51.

⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. I. № 149. Л. 19–27; Сборник исторических материалов. С. 13–18.

⁹ Опубликована в книге: *Семенников В. П.* Радищев: очерки и исследования. М. – Пг., 1923. С. 432–443.

¹⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. I. № 123. Л. 4–19 об.

¹¹ Сборник исторических материалов. С. 4–5.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 316. Оп. I. № 10. Л. 52–54.

¹³ ОР ГПБ. Ф. 637. Оп. I. № 922. Л. 1–18. См. также *Минаева Н. В.* Указ. соч. С. 47–48.

¹⁴ *Сафонов М. М., Филиппова Э. Н.* Журналы Непременного Совета // Вспомогательные исторические дисциплины (далее ВИД). Л., 1979. Выпуск XI. С. 147–149.

4-я предполагаемая редакция из 26 статей видимо возникла в результате обсуждения ряда статей проекта в Непременном Совете и последовавших за этим двух вставок, выполненных главой его канцелярии П. Д. Трощинским. После этого его помощник М. М. Сперанский стилистически обработал рукопись и поместил в ее конце надпись: «Дана в престольном граде Москве сентября дня 1801 года»¹⁵. В таком же виде, но без стилистической правки и приписки Сперанского рукопись была опубликована в книге В. П. Семенникова «Радищев: очерки и исследования»¹⁶ и затем воспроизведена в сборнике документов «Конституционные проекты в России: XVIII – начала XX вв.» под редакцией А. Н. Сахарова и С. Бертолисси, изданного в 2000 г.¹⁷ Таким образом, твердо установлено существование трёх редакций «Грамоты» из 20, 28 и 25 статей. Что касается 26-ти статейного проекта, а также их очередности, то вокруг этих вопросов не утихают споры. Не исключено, что будут найдены и другие редакции «Грамоты».

Помимо проектов «Жалованной грамоты российскому народу», в работе неизбежно будут затронуты и другие конституционные проекты XVIII–XIX вв.: Кондиции «верховников» 1730 г.¹⁸, дворянские ограничительные проекты 1730–60-х гг., проект фаворита Елизаветы Петровны И. И. Шувалова¹⁹, проект «10 коренных статей» Екатерины II²⁰, Наказ Уложенной Комиссии 1767 г., конституционный проект Н. И. Панина²¹, ограничительные проекты участников заговора 11 марта 1801 г.²², наконец, конституционные проекты полуофициального характера, созданные по прямому указанию Александра I: А. Чарторижского в феврале 1802 г.²³, М. М. Сперанского 1809 г.²⁴ Н. Н. Новосильцева и П. А. Вяземского («Уставная Грамота» 1818–20 гг.)²⁵ и другие.

Известно, что либеральный конституционализм Александра I внутри страны встретил резкое сопротивление. Но на международной арене политика «конституционной дипломатии» проявилась более успешно, найдя своё отражение в Конституционных проектах Ионических островов 1799, 1801, 1803 и 1806 гг., Финской Конституции 1809 г., уже упоминавшихся Конституционной Хартии Франции 1814 г., Польской Конституции 1815 г.²⁶ Поэтому рассмотрение этих конституционных документов, в разработке которых Россия принимала самое непосредственное участие, позволяет увидеть, в каком виде конституционные принципы Александра I и его окружения, нашли отражение во внешнеполитической концепции правительства. Изучая «Жалованную Грамоту российскому народу», нельзя обойти вниманием и ее прототипы, первооснову, а именно: «Жалованные грамоты дворянству и городам» от 21 апреля

¹⁵ ОР ГПБ. Ф. 637. Оп. I. № 922. Л. 1–18.

¹⁶ Семенников В. П. Радищев... С. 180–194.

¹⁷ Конституционные проекты в России: XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 321–332.

¹⁸ Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880. С. 17–18.

¹⁹ Анисимов Е. В. Россия в сер. XVIII века // Борьба за власть: страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 101–103.

²⁰ Коркунов Н. М. Два проекта преобразования Сената 2-ой половины царствования императрицы Екатерины II (1788–1794) // Журнал министерства юстиции. 1899. Май. С. 139–171; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 128;

²¹ Сафонов М. М., Филиппова Э. Н. Неизвестный документ по истории общественно-политической мысли России начала XIX в. // ВИД. Л., 1985. Вып. XVII. С. 187–188; Сафонов М. М. Конституционный проект Панина Н. И. – Фонвизина Д. И. // ВИД. Л., 1974. Вып. VI.; Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. М. – Л., 1959. Т. 2. С. 254–267; Пигарев К. В. Рассуждение о неперменных законах Д. И. Фонвизина в переработке Никиты Муравьева // Литературное наследство. Т. 60. Ч. I. С. 345–360.

²² Эйдельман Н. Я. Грань веков... М., 1986. С. 192–194; Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. II. Иркутск, 1982. С. 145–199.

²³ РГАДА. Ф. 1278. Оп. I. № 14. Л. 57; Сафонов М. М. Проблема реформ... С. 195–197.

²⁴ Сперанский М. М. Проекты и записки. М. – Л., 1961. С. 144–221.

²⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. I. № 504. Л. 1–44 об; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в нач. XIX в. М., 1989.

²⁶ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957.

1785 г.²⁷, т. к. авторы проектов «Грамоты» 1801 г. исходили, прежде всего, из одноименных документов Екатерины II. Поэтому необходимо познакомиться с «Жалованными грамотами» как типом законодательного источника и их содержанием.

Особое место в этом комплексе источников занимают «*Протоколы Негласного комитета*». Это главный источник по истории деятельности Негласного Комитета. Изучая законодательную деятельность правительства начала XIX века, обойтись без него невозможно. «Протоколы...» эти писались членом Негласного Комитета П. А. Строгановым на французском языке. Впервые были опубликованы М. И. Богдановичем в «Вестнике Европы» в работе об Александре I²⁸. Полностью изданы с комментариями великим князем Николаем Михайловичем²⁹. Текст опубликован в хронологической последовательности проводимых заседаний Негласного Комитета с 24 июня 1801 г. по 12 мая 1802 г., а также 4 записи за октябрь – ноябрь 1803 г. Долгое время считалось, что «Протоколы...» (что видно уже из самого названия) являются документом делопроизводства. Однако в конце 1970-х гг. ленинградский историк М. М. Сафонов в нескольких источниковедческих работах, основанных на кропотливых архивных исследованиях, использовании графологической экспертизы и соответствующих методов, достаточно убедительно доказал, что «Протоколы...» имеют мемуарно-дневниковый характер, хотя, разумеется, основаны на каких-то полупротокольных записях, которые П. А. Строганов вёл с 1801 г., а затем заносил в дневник, а в 1805–10 гг. значительно их переработал, внося дополнения и личные комментарии описываемых событий³⁰.

3) *Мемуары и дневниковые записи*. Мемуары являются весьма важным и в то же время сложным для исследования историческим источником. С одной стороны, мемуарный источник опосредованно через сознание субъекта отражает объект; с другой стороны, характеризует субъект (т. е. автора мемуаров), отражая его цели и методы восприятия объективной реальности. Таким образом, мемуары содержат двойную информацию: опосредованную информацию об объекте (факты, события) и непосредственную – о самом мемуаристе³¹.

Как правило, мемуары и дневники содержат значительное число фактов и деталей событий, свидетелем и участником которых был их автор. Часто эти детали и факты не отражены в других источниках. Кроме того, мемуары и дневники показывают, как воспринимались и оценивались те или иные события и явления социально-экономической, идейно-политической и духовной жизни различными группами и категориями населения. В мемуарах содержатся незаменимые сведения об укладе повседневной жизни, быте и нравах прошлого. Однако, мемуары имеют и ряд существенных недостатков, которые необходимо учитывать при работе с ними.

Во-первых, мемуары больше, чем какой-либо из источников, отличаются крайней субъективностью. Во-вторых, зачастую, они пишутся много лет спустя после описываемых событий. В них нередко спутаны даты, смещены события, поступки, действия разных лиц (абберация памяти). К тому же, часто автор, не полагаясь на свою память, привлекает другие источники и литературу, и подчас бывает трудно определить, что автор пишет с чужих слов, и свидетелем чего он был сам.³²

Существенным дополнением к «Протоколам Негласного Комитета» являются *мемуары князя Адама Чарторижского*³³, дающие ценную информацию о некоторых аспектах деятель-

²⁷ ПСЗ. I. Т. XXII. № 16187, № 16188.

²⁸ *Богданович М. И.* Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801–1805 гг.) // Вестник Европы. 1866. № 1 (кн. 1). С. 155–210.

²⁹ *Вел. кн. Николай Михайлович.* Граф П. А. Строганов (1774–1817). СПб., 1903. т. II.

³⁰ *Сафонов М. М.* Протоколы Негласного Комитета // ВИД. Л., 1976. Вып. VII.

³¹ *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 116.

³² Источниковедение истории СССР / под ред. *Ковальченко И. Д.* М., 1981. С. 237; *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII в. М., 1991.

³³ *Чарторижский А.* Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. СПб., 1912–

ности Негласного Комитета, атмосфере при императорском Дворе, политической борьбе в придворных кругах. Интересны и личные оценки автором деятельности Негласного Комитета в целом, и каждого из его членов в частности. Как и все мемуары, они имеют субъективный характер, события показаны в них через призму личного отношения к ним автора. Поэтому относиться к сообщаемым сведениям следует с известной долей критики и осторожностью, но все же это прекрасный источник по истории России начала XIX века.

Определенную информацию о политической борьбе в правительственных кругах конца XVIII – начала XIX в. в дополнение к вышеперечисленным источникам дают мемуары *Ф. Ф. Вигеля*³⁴ и *Н. И. Греча*³⁵, при всей противоречивости этих личностей и их роли в общественной жизни России. В этих воспоминаниях содержится богатый материал о быте, нравах, настроениях, духовной жизни столичного дворянства, даются интересные, хотя и субъективные, характеристики политических деятелей павловского и особенно александровского царствования.

Много ценных сведений о конституционном проекте Н. И. Панина можно почерпнуть из мемуаров декабриста *М. А. Фонвизина*³⁶.

Мемуары и дневники *И. И. Дмитриева*³⁷ и *П. А. Вяземского*³⁸ ценны, прежде всего, приводимыми авторами оценками современников происходящих событий (например, переворота 11 марта 1801 года).

Значительный интерес представляют воспоминания участников заговора 11 марта 1801 г. и, прежде всего, *Л. Л. Беннигсена*³⁹. Они дают основание полагать о существовании у них планов ограничения самодержавия путем предоставления Сенату законосовещательных функций.

Наконец, интересным источником является *дневник Александра I за 1798–1800 гг.*, из которого можно узнать о наличии у будущего императора определенной программы решения крестьянского вопроса⁴⁰.

4) Четвёртым жанром источников является *эпистолярный*. С источниковедческой точки зрения эпистолярный жанр отличается субъективностью, отрывочностью, передачей иногда непроверенных слухов и фактов, обилием личных и бытовых подробностей, намёков и полунамёков, значительная часть которых понятна лишь автору и адресату. Всё это крайне усложняет понимание и использование переписки как источника⁴¹. Но с другой стороны, переписка часто проливает свет на неясные стороны других источников.

Для темы настоящей работы определённый интерес представляет *переписка Александра I, В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, А. Чарторижского, братьев А. Р. и С. Р. Воронцовых и других влиятельных лиц при императорском Дворе* в начале XIX в.⁴² Однако, как пра-

13. Т. I–II.

³⁴ *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1923–24. Т. I–II.

³⁵ *Греч Н. И.* Записки моей жизни. М., 1990.

³⁶ *Фонвизин М. А.* Политическая жизнь в России // Библиотека декабристов. 1907. Вып. IV; Он же. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. II. С. 120–199.

³⁷ *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866.

³⁸ *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1880–1884. Т. III–IV; Он же. Записные книжки (1813–1848). М., 1963.

³⁹ Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., 1907.

⁴⁰ Секретные бумаги, найденные в кабинете императора Александра Павловича // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 700. Л. 1–6; *Сафонов М. М.* Проблема реформ... С. 68–69.

⁴¹ Источниковедение истории СССР // под ред. *Ковальченко И. Д.* М., 1981. С. 244–245.

⁴² *Чарторижский А.* Мемуары... СПб., 1913. Т. II.; *Вел. кн. Николай Михайлович* Граф П. А. Строганов. СПб., 1903. Т. I–III; Он же. Император Александр I. СПб., 1912. Т. I; Архив Воронцовых. // Под ред. П. Баргенева. М., 1877–1889. Кн. XII–XIV (Бумаги и письма А. Р. Воронцова); Кн. XVIII (письма кн. Кочубея В. П., Татищева В. П., Новосильцева Н. Н.); Кн. XXIX.; Записки бывшего статс-секретаря Н. Н. Новосильцева; РГИА. Ф. XVI. Оп. I. № 9. Л. 11–20; *Богданович Т.* Из переписки Александра I с В. П. Кочубеем // Русское прошлое. М. – Пг., 1923. Кн. 5. С. 101–111.

вило, переписка велась на французском языке, плохо систематизирована, и для исследователя, поэтому, создаёт значительные трудности.

Кроме того, в работе использованы некоторые ранее не опубликованные *архивные материалы из личных фондов Паниных*⁴³, *Воронцовых*⁴⁴ и *Строгановых*⁴⁵ хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном историческом архиве.

Таким образом, источники по теме исследования очень многочисленны и в то же время специфичны. Специфика заключается в секретном или полусекретном их характере. Особенно это касается проектов «Жалованной Грамоты российскому народу» и «Протоколов Негласного Комитета». Отсутствие точных датировок, дневниковый характер многих материалов, субъективизм в изложении, неполнота информации порождают различные трактовки одного и того же события. В задачу автора входило, используя уже введенные в научный оборот источники, а также новый архивный материал из фондов Паниных, Воронцовых и Строгановых по-новому взглянуть на процесс развития конституционной мысли в России на рубеже XVIII–XIX вв.

⁴³ РГАДА. Ф. 1274. Оп. I. Дело № 47 (послужной список графа Н. П. Панина, 1800 г.); № 114 (записка Н. И. Панина Екатерине II о преобразовании Сената и других судебных мест с приложением проекта, 1760-е гг.); № 119 (письмо Екатерины II Н. И. Панину о завершении его трудов по воспитанию Павла Петровича с выражением благодарности, 23 сент. 1773 г.); № 137(в) (опись бумаг графа Н. И. Панина, в т. ч. сообщения по поводу дела Миновича, 1760–70-е гг.); № 215. Л. 1–8 об. (переписка Н. П. Панина с Павлом Петровичем и Марией Федоровной, март 1789 – окт. 1790 г.); № 319 (письма Н. П. Панина Павлу I по вопросам внешней политики, 1799–1800 гг.); № 385 (письма С. Р. Воронцова к кн. Кангельскому и Колычеву об опале Н. П. Панина, 10 марта 1801 г.); № 398 (письма посла в Лондоне С. Р. Воронцова гр. Н. П. Панину и ответное письмо о методах и принципах государственной деятельности и дипломатической корректности, 1798–1801); № 1072 («Особенное завещание графа П. И. Панина», 1786 г.); № 1111 (духовное завещание графа П. И. Панина, 1786 г.); № 1150 (духовное завещание графа Н. П. Панина, 1814 г.); № 2863. Л. 3–4 (записка неизвестного лица по поводу конституционных проектов участников заговора 11 марта 1801 г. (П. А. Зубова, Н. П. Панина, Г. Р. Державина, без даты); № 2817(а) (записка об отношении Н. П. Панина к заговору против Павла I, 2-ая пол. XIX в.); № 2889–2992 («Панины в письмах, переписке и других актах XVIII – 1-й половины XIX вв. с биографическими сведениями о Н. И., П. И., Н. П. Паниных» (составила внучка Н. П. Панина), в 4-х томах, без даты).

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. I. Дело № 803 («записка А. Р. Воронцова Александру I о государственном управлении и торговле и мерах к их упорядочению (ноябрь 1801 г.); № 1269 («рассуждения А. Р. Воронцова о внешнеполитической деятельности России в условиях современного положения дел в Европе с точки зрения внутренних задач государства» (примерно 1803–1805 г.)). РГИА. Фонд 1409. Опись 1. Дело № 149 («Записка гр. А. Р. Воронцова о Милостивом Манифесте на коронацию императора Александра I с материалами для сего Манифеста», 1801 г.); № 126 («Копия с доклада Правительственного Сената о возвращении оному принадлежащих ему прав и преимуществ как главному государственному правительству», 1801 г.).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Дело № 9. Л. 18–37 (докладная записка Строганова П. А. Александру I о предполагаемой реформе министерств, май 1802 г.), Л. 64–68 (проект Наказа Совету, в т. ч. рассуждения П. А. Строганова об отличиях коренных и временных государственных постановлений, 1802 г.); № 12–13 (Размышления П. А. Строганова о реформе Сената и докладная записка с проектом этой реформы Александру I (декабрь 1801 г.); № 14. Л. 56–58 (Таблица структуры власти после предполагаемых административных реформ); № 16. Л. 68–69 (Рассуждения П. А. Строганова о целях создания МВД, 1802 г.); № 17. Л. 52–55 (Разбор анонимного доноса на братьев Зубовых (декабрь 1801 г.), якобы замышлявших новый заговор против Александра I в пользу его матери императрицы Марии Федоровны. Видимо на последовавшую за этим высылку П. А. Зубова из Петербурга повлиял как раз этот донос); № 18. Л. 3–13 (проект секретного рескрипта губернаторам о секретном информировании по поводу злоупотреблений в имениях помещиков по отношению к крестьянам и мнение по этому поводу П. А. Строганова, сент. 1802 г.); № 19. Л. 5–10 (Замечания П. А. Строганова по поводу указа 20 февраля 1803 г. о «вольных хлебопашцах»); № 20 (письма и черновики П. А. Строганова за 1802–17 гг., в т. ч. материалы по биографии П. А. Строганова). № 21. Л. 21–29 об. («Предварительные правила реформы народного просвещения», 26 фев. 1803 г.). № 22. Л. 1–10 («Журнал моих упражнений в Сенате» П. А. Строганова), Л. 106–117 (проект «О плане составления уголовных законов (Кодекса)», 1801–1802 гг.). № 23. Л. 2–8 (проект постановления о крестьянской реформе в Лифляндии, 1803–1805 гг.). № 29. Л. 1–13 (проект реформы управления Сибири, 1802 г.). № 30. Л. 111–144 (переписка П. А. Строганова с томским губернатором Хвостовым, 1804–08 гг.). № 40. Л. 23–58. (Отчет А. Чарторижского о деятельности министерства иностранных дел России в 1804–05 гг. с Изложением доктрины «конституционной дипломатии»); № 80. Л. 78–86 (Сравнительный анализ внешней политики России и Франции, 1807–1812 гг.). № 504. Л. 1–44 об. (Приводится полный текст «Уставной Грамоты» 1818–1820 гг.).

Историографический обзор

Как верно заметил один из исследователей данной темы М. М. Сафонов, едва ли случайный факт, что интерес к проблеме преобразований во внутренней политике России в начале XIX века возник именно в 60-е гг. XIX столетия, когда на повестку дня был поставлен вопрос о проведении буржуазных реформ. Поэтому вполне закономерно и то, что в поисках истоков этих реформ взоры исследователей проблемы «самодержавие и реформы» обратились к началу XIX века. При этом характерной чертой исторических трудов этого времени была отчетливая связь между предметом исследования и собственной политической позицией авторов⁴⁶.

Первой попыткой освещения преобразований во внутренней политике России начала XIX в. явилось издание в 1866 г. военным историком генералом *М. И. Богдановичем* большой статьи о преобразованиях Александра I в 1801–1805 гг. в «Вестнике Европы», которая затем стала составной частью его шеститомного труда о царствовании Александра I.⁴⁷

Для мировоззрения М. И. Богдановича характерно утверждение, что личность царя является главным мерилем и двигателем исторического прогресса. Поэтому и причины реформ начала XIX века М. И. Богданович видел в особенностях личности Александра I, особенностях его взглядов и воспитания. Император не был чужд идеалов Просвещения. Главной целью Александра I, по мнению автора, было издание нового Уложения законов. Богданович прослеживает историю подготовки реформ начала XIX в. Обращает внимание на борьбу двух политических группировок: так называемых «екатерининских стариков» и «молодых друзей». К первым он относил умудренных опытом деятелей екатерининского времени (братьев А. Р. и С. Р. Воронцовых, Д. П. Трошинского, П. А. Зубова), выступавших за медленные и кропотливые преобразования. «Молодые друзья» (П. А. Строганов, А. Чарторижский, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев), напротив, не понимали истинных интересов России и пытались внедрить прозападные конституционные идеи, чуждые интересам страны. В этом, по мнению М. И. Богдановича, и заключалась главная причина провала реформ. Одновременно М. И. Богданович оправдывал нерешительность Александра I, показав его чуть ли не жертвой демагогии «молодых друзей». Для Богдановича личность царя – священна и неприкосновенна, царь не мог ошибаться и осознано поддерживать чуждые для России конституционные идеи. В этом и состоит главное противоречие и слабое место концепции Богдановича. Александр I предстает у него двигателем реформ, и, одновременно, жертвой интриг молодых честолюбцев из Негласного Комитета.

В том же 1866 году истории преобразований начала XIX в. коснулся историк-юрист *А. Д. Градовский*. Либерально настроенный автор воспринял у монархиста М. И. Богдановича идею борьбы двух политических партий, но с его точки зрения «екатерининские старики» не бездеятельные, а, напротив, энергичные люди, «твердо стоявшие на родной почве», а «молодые друзья» – это деятели, оторванные от национальных корней. Цель первых – добиться восстановления прежнего значения Сената на основе соединения коллегиальных и личных начал; цель вторых – исходя из западной теории разделения властей, превратить Сенат в сугубо судебное учреждение и вручить казенные отрасли управления отдельным лицам. По мнению Градовского, Александр I имел самостоятельную позицию, отличную и от взглядов «екатерининских стариков», и от взглядов «молодых друзей». Новое в концепции Градовского заключалось в том, что им вводилась новая бюрократическая партия, которая в наибольшей степени выиг-

⁴⁶ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С. 3.

⁴⁷ Богданович М. И. Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801–05) // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 155–210; Он же. История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. I. С. 11–19, 68–87, 130–135.

рала от реформ. Членов Негласного Комитета А. Д. Градовский обвинил в том, что они сыграли роль людей, которые, не понимая естественных потребностей страны, своими прозападными симпатиями способствовали процессу бюрократизации страны, противоречащему интересам России.⁴⁸

Таким образом, ценное в концепции Градовского заключается в том, что им впервые была сделана попытка рассмотреть не только сам процесс подготовки реформ, но и их последствия. Однако построения А. Д. Градовского представляли собой умозрительную схему, не подкрепленную документами.

Именно за это критиковал его, а также М. И. Богдановича, видный историк последовательного либерального направления А. Н. Пыпин. Свою концепцию он строил, прежде всего, исходя из анализа документов, в том числе протоколов Негласного Комитета, частично опубликованных Богдановичем. Однако, Пыпин пришел к выводам, прямо противоположным заключениям своих предшественников.

Во-первых, он считал, что сторонниками конституционных идей были не только и не столько «молодые друзья» царя, сколько сам Александр I. *Во-вторых*, А. Н. Пыпин стремился доказать, что конституционные идеи Александра I и «молодых друзей» были не случайным, а вполне закономерным явлением, вытекавшим из всего исторического развития России XVIII века, особенно последних лет царствования Екатерины II и правления Павла I. *В-третьих*, причины неудач преобразований Александра I ученый видел в двойственности и в незаконченности действий Александра, влиянии деспотического прошлого, а вовсе не в сущности принципов, которым он хотел служить. Таким образом, А. Н. Пыпин во главу угла также ставил личность царя, но в отличие от М. И. Богдановича рассматривал ее как продукт тех исторических условий, в которых она действовала. При этом А. Н. Пыпин пришел к заключению, что Александр «был проникнут идеалистическими мечтами о свободе и счастье людей», но ему не хватило «реального знакомства с жизнью народа». В личности императора было много «искреннего энтузиазма и благородных влечений», но «они не развились в прочные, логически усвоенные принципы», так и оставшись идеалистическими мечтами. На это наложились и неуверенность Александра в самом себе, неуверенность в необходимости задуманных мер.

А. Н. Пыпин разошелся с М. И. Богдановичем и в определении главной цели реформ. По мнению ученого, она заключалась не в подготовке Уложения, а в составлении Конституции. «Речь шла о таком государственном устройстве, которое определяло бы законом круг действий верховной власти (и, следовательно, известным образом ее ограничивало) и в котором впоследствии должно было играть известную роль представительство». С этой точки зрения рассматривалась и министерская реформа. По мнению А. Н. Пыпина, при учреждении министерств имелась в виду конституционная идея об ответственности министров, которая гарантировала бы строгую законность управления.

В заключение А. Н. Пыпин предлагал извлечь уроки из неудачных конституционных опытов Александра I: «Неограниченная монархия слишком часто бывает враждебна общественной инициативе, и это составляет роковую, слабую ее сторону: истинные цели государства могут быть достигнуты только с развитием общественной силы; когда инициатива общества подавляется, внутренняя сила его гложет и остается непроизводительной; но стеснение общества вредно отражается потом на самом государстве, которое, наконец, начинает терять свой нравственный авторитет».⁴⁹

Таким образом, одной из причин неудачи реформ начала XIX в. А. Н. Пыпин считал отсутствие гласности при их разработке, отказ обратиться к «просвещенной общественности»

⁴⁸ Градовский А. Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 264–280.

⁴⁹ Пыпин А. Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. С. 1–113; Пыпин А. Н. Мои заметки. Саратов. 1996. Позицию Пыпина по отношению к реформам Александра I в основном разделял и В. И. Семевский. См.: Семевский В. И. Из истории общественного движения в России в XVIII – начале XIX вв. // Историческое обозрение. Т. IX. М., 1897.

за помощью и поддержкой. Однако, ограничившись общей фразой, Пыпин не раскрыл того, что он понимал под понятием «просвещенная общественность». Поэтому невыясненным остается вопрос о том, можно ли было вообще опереться в проведении реформ на эту «общественность», что явилось существенным недостатком концепции Пыпина.

Концепция А. Н. Пыпина являлась господствующей в исторической науке вплоть до конца XIX в., когда историк охранительного направления генерал *Н. К. Шильдер* выпустил в свет четырехтомную биографию Александра I. По сути, это была попытка воскресить основные положения концепции М. И. Богдановича, но с учетом опубликованных документов; в частности записок П. А. Строганова о заседаниях Негласного Комитета, французский текст которых приводился в приложении к основной работе Н. К. Шильдера. Однако в концепции генерала-историка было и кое-что новое. Именно Шильдер впервые высказал мысль о влиянии на характер первых преобразований Александра участников дворцового переворота 11 марта 1801 г. Шильдер в русле своего мировоззрения сомневался в искренности либеральных начинаний императора (эпизод с отменой права представления Сената). По мнению Н. К. Шильдера, либерализм царя был показным и использовался им как средство укрепления личной власти, защиты ее от поползновений заговорщиков.⁵⁰

С момента выхода книги Н. К. Шильдера *вопрос об искренности реформаторских намерений Александра I* становится центральным. От ответа на этот вопрос зависела общая оценка характера реформ начала XIX в. И здесь мы можем четко выделить две точки зрения: А. Н. Пыпин, положительно отвечает на вопрос об искренности реформаторских настроений Александра I. Вторая точка зрения основывается на концепции Н. К. Шильдера, отказывавшей императору и его ближайшему окружению в искренности реформ.

Исследования *великого князя Николая Михайловича*, опираясь на ряд новых документов, впервые введенных им в научный оборот, содержат вывод о пассивной роли Александра I. Ни одна из реформ начала XIX в. не исходила лично от Александра I, «все они были не без труда внушены ему, причем его согласие добывалось нередко с большими усилиями». Таким образом, получалось, что инициатором реформ был не император, а его «молодые друзья» из Негласного Комитета, которые чуть ли не силой пытались навязать Александру I свои взгляды.⁵¹ Причины же неудачи реформ Николай Михайлович видел, во-первых, в том, что «молодые друзья» опередили на целое поколение свое время и оказались потому не понятыми современниками. Во-вторых, у них не было четкого плана действия, поэтому многие их решения имели непродуманный, сумбурный характер.⁵²

Оппонент вел. кн. Николая Михайловича *М. В. Довнар-Запольский* выступил против идеализации «молодых друзей». В «Протоколах Негласного Комитета» либеральный историк не нашел «следов серьезной работы, реальных проектов преобразований». По его мнению, «молодые друзья» вообще не собирались проводить никаких реформ. Главной их целью было установление личной опеки над Александром I в корыстных, корпоративных целях. Поэтому все разговоры о Конституции были, скорее всего, пустым звуком и велись с целью завоевать доверие царя, которому все эти разговоры доставляли определенное удовлетворение. Полную противоположность «молодым друзьям» представляли собой «екатерининские старики». По мнению Довнар-Запольского, они-то как раз и были сторонниками реформ, но реформ осторожных с учетом специфики исторического развития России. «Исходя из мысли о необходимости издания некоторых коренных законов для всех граждан, они стремились превратить Сенат в представительное учреждение, которое явилось бы посредническим звеном между высшей

⁵⁰ Шильдер Н. К. Император Александр I. СПб., 1897. Т. II. С. 1–55, 93–116, 330–348.

⁵¹ Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов (1774–1817). СПб., 1903. Т. II. С. II–XIX, 1–314.

⁵² Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. СПб., 1912. Т. I. С. 1–35.

властью и населением», гарантом законности.⁵³ По сути, М. В. Довнар-Запольский возродил в несколько измененном виде концепцию А. Д. Градовского, рассматривая преобразования начала XIX в. как борьбу «бюрократии» (Негласный Комитет) и «общественности» («екатерининские старики»). Отличие же заключалось в том, что бюрократизацию Довнар-Запольский рассматривал не как следствие неудачного заимствования западных конституционных идей, а как антитезу конституционному пути развития. Однако, Довнар-Запольский не пояснял, что конкретно он понимает под понятием «конституционное развитие», ограничившись лишь самыми общими рассуждениями.

Таким образом, объяснения дореволюционными историками причин перехода верховной власти к преобразованиям в начале XIX в. почти не выходили за рамки чисто умозрительного подхода. Реформы объяснялись исключительно личными взглядами Александра I, или настроениями группировок высшей аристократии при дворе, практически вне всякой связи с политическими и социально-экономическими процессами, объективно развивающимися во второй половине XVIII века. Исключение составляет разве что концепция А. Н. Пыпина.

Недостаток этот попытался устранить *М. Н. Покровский* на основе марксистской методологии. Взаимосвязь между политическими и социально-экономическими процессами он представлял достаточно упрощенно, игнорируя общественно-политический аспект. При этом он не усматривал в конституционных замыслах Александра I элементов буржуазного права.

Концепция Покровского исходит лишь из противопоставления интересов крупной аристократии и провинциального дворянства. Первая, по мнению ученого, будучи хорошо образованной, вполне осознала связь между развитием капитализма и невыгодностью крепостного труда. Поэтому она находила для себя экономически выгодным освободить своих крестьян от крепостной зависимости. Непременным условием освобождения должна была стать выгодная, с точки зрения дворянства, конституция. Провинциальное же дворянство, а это, как правило, владельцы барщинных хозяйств, находило для себя освобождение крепостных невыгодным. Поэтому они, по Покровскому, выступали против отмены крепостного права и были абсолютно равнодушны к конституционным затеям аристократов. С этой точки зрения противопоставление «молодых друзей» и «екатерининских стариков» теряло всякий смысл, так как и те и другие принадлежали к крупной земельной аристократии. Единственным отличием заключалось в том, что «екатерининские старики» намеревались создать коллективный ограничительный орган в лице Сената, а «молодые друзья» предполагали удовлетвориться сохранением личного влияния на принятие важных государственных решений, т. е. фактически продолжали традиции политики фаворитизма. Провал преобразовательных планов дворянских верхов М. Н. Покровский объяснил полным равнодушием не только народных масс, но и подавляющего большинства дворянства к борьбе за влияние в высших сферах.⁵⁴

Что касается роли Александра I, то Покровский его как бы и не замечает, давая царю уничижительную характеристику: «... в то время император был совершенной безличностью, это был недоучившийся ученик отчасти Лагарпа, отчасти своего отца, наполовину швейцарский гражданин, наполовину прусский капрал».⁵⁵

Но М. Н. Покровский был первым, кто четко сформулировал идею о связи между дворцовым переворотом, приведшим к власти Александра I, и его внутренней политикой.

Оценивая взгляды М. Н. Покровского на события начала XIX века, нельзя не отметить очевидную новизну его подхода к проблеме. Однако, критикуя своих предшественников за схематизм и умозрительность построений, сам Покровский не избежал того же самого. Так,

⁵³ Довнар-Запольский М. В. Зарождение министерств в России и указ о правах Сената 8 сентября 1802 года // Из истории общественных течений в России. Киев, 1905. С. 1–76.

⁵⁴ Покровский М. Н. Александр I // История России в XIX в. М., 1907. С. 34–66.

⁵⁵ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. СПб., 1912. Т. III. С. 206–217.

историк почти проигнорировал особенности политической борьбы начала XIX в., дав лишь ее самую общую схему, не подкрепленную конкретными фактами. Слишком упрощенной и пренебрежительной представляется и оценка личности Александра I.

Попытку преодолеть эти недостатки предпринял советский историк *С. Б. Окунь*, опиравшийся на труды основателей ленинградской исторической школы *С. Н. Валка*, *В. П. Семенникова*, *И. М. Троцкого*. Его концепция, изложенная в специальном лекционном курсе в 1939 году, преодолевала схематизм Покровского.

С. Б. Окунь исходил из того, что определяющим фактором внутренней политики самодержавия того времени было «наличие противоречий между развивающимся новым капиталистическим способом производства и господствующей крепостной системой». Окунь постарался учесть все особенности политической обстановки, вынудившей царизм встать на путь реформ. Причин этому он видел две. Первая – это боязнь повторения Французской революции, при этом царизм, по мнению Окуня, был не прочь воспользоваться некоторыми идеями Французской революции. Вторая причина заключалась в самих обстоятельствах прихода к власти Александра I, поставивших императора в сильную зависимость от участников заговора и, прежде всего, П. А. Палена и П. А. Зубова. Исходя из этого, он выделял не два, а три политических лагеря в правительственных верхах страны: руководителей антипавловского заговора (Палена и Зубова), «екатерининских вельмож» (братьев Воронцовых) и «молодых друзей» (Строганова и др.). Первые, по его мнению, добивались лишь власти от имени монарха. Вторые стремились получить определенные гарантии от возможной тирании монарха, используя Сенат, и в целях «сохранения господства ограниченной дворянской верхушки». Третьи пытались, используя ряд идей идеологии Просвещения, провести ряд мероприятий, связанных с реорганизацией структуры государственного управления с целью сохранения господства всего дворянства, как класса.

Совершенно по-новому рассматривал С. Б. Окунь личность Александра I, который на взгляд ученого, играл несомненно самостоятельную роль. Это был хитрый и умный политик, рядившийся в тогу показного либерализма, а на самом деле преследовавший цель добиться всемерного укрепления своей абсолютной власти. В реформах начала XIX в. ярко проявился внешний показной либерализм, который лишь прикрывал реакционную сущность внутренней политики царизма.⁵⁶

Однако, концепция С. Б. Окуня оставалась противоречивой. С одной стороны, показной либерализм, с другой – серьезное желание извлечь уроки из Французской революции, чтобы предотвратить революцию русскую. Видимо, сам историк чувствовал это противоречие и попытался устранить его в последующих изданиях своих лекций.

Позже он еще больше развил идею о влиянии дворцового переворота на внутривнутриполитическую деятельность Александра и неискренности его либеральных устремлений. Представляется очень важной идея С. Б. Окуня связать попытки преобразований начала XIX в. с особенностями царствования Павла I, которые заключались в более резком проявлении «относительной самостоятельности самодержавной власти», выразившейся в предельной централизации государственного аппарата, усилении роли бюрократии, что должно было привести к полной концентрации в руках Павла I всей полноты власти. Дворянская верхушка восприняла это как удар по своим сословным интересам. Как результат – дворцовый переворот против Павла. Александр I видел свою основную задачу в том, чтобы продолжить процесс укрепления абсолютизма, активно проводившийся его отцом. Однако ему пришлось учитывать сложившуюся обстановку и пойти на ряд уступок сановной оппозиции, чтобы выиграть время (указ Сенату 5 июня 1801 года). С этой целью он использовал Негласный Комитет, который сыграл роль своего рода заслона в борьбе с сановной фрондой. При этом и сами «моло-

⁵⁶ *Окунь С. Б.* История СССР: 1796–1856 гг.: курс лекций. Л., 1939. С. 80–89.

дые друзья» в новой концепции С. Б. Окуня, составляли часть этой самой фронды. Александр искусно столкнул две группировки друг с другом, при этом концентрируя все нити управления в своих руках. Постепенно он сумел избавиться от тех и других, а затем повернул в сторону откровенной реакции.⁵⁷

Концепция «заигрывания с либерализмом» была преобладающей в исторической науке на протяжении нескольких десятилетий и нашла отражение на страницах всех официальных изданий того времени.

В одной из последних статей С. Б. Окунь несколько смягчил свою позицию, подчеркнув, что в демагогической в целом политике «заигрывания с либерализмом» было и нечто прогрессивное. Заключалось оно не в кардинальных изменениях, а в определенном «движении вперед в буржуазном направлении».⁵⁸

Одновременно получил развитие и другой подход в освещении событий начала XIX в., восходивший к трудам А. Н. Пыпина. В начале 1924 г. вышла из печати книга А. Е. Преснякова «Александр I». Это было глубокое исследование, в основе которого лежало тщательное изучение уже введенных в научный оборот источников.⁵⁹ Исходной позицией для А. Е. Преснякова послужила идея назревших преобразований в начале XIX в., продиктованных социально-экономическим развитием страны. Далее автор настаивает на относительной самостоятельности самодержавия. Развитие в недрах старого режима новых буржуазных элементов ставило монархическую власть в противоречие с традициями безусловного классового господства дворянства. Павел I лишь попытался выйти из положения («дворянство через правительство управляет страной»), но он только расшатал корни самодержавия, не дав ему никакой другой опоры. Дворцовый переворот привел к усилению «дворянского конституционализма», в котором существовало два течения, представленные «екатерининскими стариками» и «молодыми друзьями». В представлении А. Е. Преснякова «старика» стремились «связать верховную власть «основными» законами дворянского господства под активным контролем Сената, избираемого из состава не столько вообще дворянства, сколько его вельможных слоев – правящих групп высшей дворянской бюрократии». Подобный конституционализм Пресняков оценивал как глубоко консервативный, т. к. он преследовал цель закрепить «преобладание дворянства над государственной властью». Члены Негласного Комитета тоже придерживались конституционных воззрений, но их конституционализм был другого плана. «Молодые друзья» стремились организовать работу верховной власти «не ослабляя ее самостоятельности в деле необходимых преобразований вне тормозов дворянского консерватизма, но в то же время с гарантией постепенности и умеренности реформ». Их мысль неизбежно наталкивалась на отрицание основ крепостничества и самодержавия и требовала перехода к буржуазному порядку и конституционному строю. Однако такие воззрения, полностью отвечавшие потребностям страны, в условиях крепостного строя практически не имели общественной опоры. Поэтому в этих условиях реформаторы были вынуждены с первых шагов практической деятельности приспособлять свои проекты к настроениям господствующего класса. В результате единственной реформой, получившей осуществление, оказалось преобразование центрального управления с целью усиления самодержавной власти.

Самого же Александра I А. Е. Пресняков оценивал как идеолога-утописта, пытавшегося провести в жизнь выработанную им теорию «о законно-свободных учреждениях» как норме политического строя, предохраняющих мирное развитие страны как от революционных потря-

⁵⁷ Окунь С. Б. История СССР: 1796–1856 гг.: курс лекций. Л., 1947. С.112–124.

⁵⁸ Окунь С. Б. К вопросу о сущности русского абсолютизма: (2-ая пол. XVIII – нач. XIX вв.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1973. С. 110–117.

⁵⁹ Пресняков А. Е. Александр I. Пг., 1924. С. 8–27, 43–81; См. также: Сафонов М. М. Указ. соч. С. 16.

сений, так и от правительственного деспотизма. Коренная утопичность этой теории привела императора к полному разрыву с русской действительностью.

Исключительно важной и ценной представляется идея А. Е. Преснякова о невозможности проведения в начале XIX в. преобразований социально-экономической сферы в связи с незрелостью объективных предпосылок в стране. Крепостное хозяйство еще имело, по мнению автора, «крепкую объективную основу». Ему принадлежала ведущая роль в экономике, в колонизации малонаселенных областей, помещики оставались социальной опорой верховной власти. Самодержавие в правление Александра I как бы попыталось забежать вперед, но ничего не смогло сделать, оставив страну в прежнем политическом и экономическом положении.

Концепцию А. Е. Преснякова творчески развил А. В. Предтеченский. В 1957 г. он выпустил в свет монографию «Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в.», до сих пор остающуюся одним из самых обстоятельных исследований внутриполитической жизни России начала XIX в. Главной задачей автор считал раскрытие причин неотвратимого перехода верховной власти к политике преобразований. Основная причина насущной потребности реформ заключалась в том, что «наиболее дальновидным представителям дворянства казалось невозможным для удержания власти в своих руках в обстановке обостряющейся классовой борьбы и экономических изменений оставлять в неприкосновенном виде существующие социально-экономические отношения и организацию аппарата управления». Поэтому правительство Александра I «обнаружило понимание того, что путь приспособления форм государственного управления и социально-экономических отношений к изменившимся внутренним условиям и изменившейся международной обстановке есть единственное средство удержать власть в руках господствующего класса».

Таким образом, в концепции Предтеченского Александр I предстает дальновидным реформатором, убежденным в необходимости пойти на частичные уступки, причем сознательные, новым развивающимся буржуазным отношениям с целью предотвратить повторение событий Французской революции в России. По его мнению, Александр I и члены Негласного Комитета действовали как единомышленники и являлись инициаторами всех реформ. Автор рассматривал подготовку реформ вне всякой связи с дворцовым переворотом в марте 1801 г., что, пожалуй, являлось существенным недостатком его построений. А. В. Предтеченский отказался от традиционного противопоставления «екатерининских стариков» и «молодых друзей», но зато ввел в конкретную историю подготовки реформ группировку откровенных реакционеров, о существовании которой упоминал еще Н. К. Шильдер. Именно сопротивление представителей господствующего класса, выразителями которого стала эта группа вельмож, по мнению ученого, послужило причиной неудачи реформ. Александр I, видя это сопротивление, постепенно отказался от попыток продолжить реформы и взял курс на дальнейшую централизацию и бюрократизацию правительственного аппарата. При этом, если А. Е. Пресняков рассматривал реформу управления как создание средств для более успешного проведения реформ, то А. В. Предтеченский – как альтернативу всей политике реформ.⁶⁰

Итак, к середине 1960-х годов в исторической науке сложилось две концепции, по-разному объяснявшие события начала XIX в. Первую – условно можно охарактеризовать как концепцию «заигрывания самодержавия с либерализмом», наиболее яркий представитель которой С. Б. Окунь, вслед за В. И. Лениным, считал попытки реформ начала XIX в. насквозь фальшивыми, вызванными исключительно внешними обстоятельствами и заранее обреченными на провал. К сторонникам этой концепции относится и академик М. В. Нечкина и, с определенной долей условности, академик Н. М. Дружинин (его позиция по поводу «показного либерализма» Александра I была более мягкой, допускающей эволюцию самодержавия в сторону буржуаз-

⁶⁰ Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в 1-ой четверти XIX в. М., 1957. С. 1–25, 63–145, 200–208, 425–429.

ной монархии). Вторую концепцию условно можно охарактеризовать как *концепцию приспособления государственной власти к новым развивающимся буржуазным отношениям*. Ее сторонники считали главной причиной реформ осознание передовой частью общества вместе с императором Александром I необходимости реформ. Причины неудачи задуманных реформ виделись в сопротивлении господствующего класса и неспособности или нежелании правительства опереться на другие, более широкие слои населения. Помимо А. В. Предтеченского к сторонникам этой концепции следует отнести, из историков 60-70-х гг., С. С. Ланду⁶¹.

В целом же в 1960-е и, особенно, в 1970-е гг. проблема поиска и анализа предпосылок реформ начала XIX в. не особенно интересовала историков, специализировавшихся на изучении истории России 1-й половины XIX в. Положение изменилось в 1980-е гг., когда встал вопрос о необходимости реформирования самой советской системы. В поисках аналогий взгляд исследователей волей-неволей обращался к событиям начала XIX в., причем события эти рассматривались в ракурсе возможности и реальности реализации реформаторской альтернативы в то время.

Из серьезных исследований, посвященных этой проблематике, можно отметить работы Н. В. Минаевой, С. В. Мироненко и М. М. Сафонова.

Н. В. Минаева и С. В. Мироненко по сути выступили продолжателями линии, намеченной в трудах А. Н. Пыпина, А. Е. Преснякова и А. В. Предтеченского, рассматривая попытки реформ начала XIX в. как сознательный, хотя и вынужденный выбор правительства с целью приспособления устаревшей политической системы к новым общественным отношениям. Оба исследователя рассматривали проекты государственных реформ при Александре I (Жалованную Грамоту российскому народу 1801 г., проект М. М. Сперанского 1809 г., Уставную грамоту 1818–1820 гг.) как проекты *конституционные*, направленные на модернизацию государственного строя и политической системы России, предотвращение возможной революции. Все три проекта должны были привести к превращению России из абсолютной монархии в конституционную. Успеху этих реформ помешало сопротивление подавляющей части консервативно настроенного дворянства и недостаточная решимость довести начатое до конца у самого императора. Однако в трудах этих ученых конкретная борьба вокруг реформ начала столетия затрагивается лишь отчасти, т. к. они ставили перед собой другие задачи. Исследование Н. В. Минаевой было посвящено более широкой теме истории общественно-политической мысли 1-й четверти XIX в.⁶², а в центре внимания С. В. Мироненко находилась политическая борьба вокруг проектов М. М. Сперанского и Уставной грамоты 1818–1820 гг.⁶³

Зато исследование М. М. Сафонова посвящено как раз периоду первых лет царствования Александра I и является, пожалуй, наиболее обстоятельной из всех работ, посвященных этому времени. Автор обработал огромный фактический материал, ввел в научный оборот неизвестные ранее источники. Являясь учеником С. Б. Окуня, М. М. Сафонов использовал и ряд идей сторонников концепции «приспособления». В результате ему удалось создать оригинальную концепцию, объясняющую причины, характер и результаты реформ начала XIX в. По мнению М. М. Сафонова, реформы непосредственно вытекали из предшествующего развития России, особенно из времен павловского царствования. Главной причиной перехода верховной власти к политике реформ он считал невозможность правительства старыми методами решить накопившиеся проблемы. Из конкретных причин выделяются две. Первая – это развитие просветительской идеологии, определенное влияние которой испытывал Александр I, мечтавший

⁶¹ Ланда С. С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–25 гг. М., 1975.

⁶² Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982;

⁶³ Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С.103–113; Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России 1-ой половины XIX столетия. М., 1990.

«отделать фасад абсолютизма на европейский манер» и считавший, что проведение в жизнь наиболее умеренных идей Просвещения предотвратит государство от потрясений как сверху, так и снизу. Вторая – это дворцовый переворот 11 марта 1801 г., вызвавший рост ограничительных настроений среди вельможной аристократии.

По мнению М. М. Сафонова, существовало три группировки в политических верхах начала XIX в. Наиболее активной среди них были «заговорщики» во главе с П. А. Зубовым. Именно им и принадлежала инициатива в проведении реформ. Две другие – это уже знакомые нам «екатерининские старики» и «молодые друзья». «Заговорщики» поставили на повестку дня вопрос об ограничении самовластия монарха, их инициатива вызвала брожение среди «екатерининских стариков», в свою очередь выдвинувших вопрос о реформе Сената и создании на его основе ограничительного коллективного органа вельможной бюрократии. Оценка роли «молодых друзей» у Сафонова почти не расходится с точкой зрения С. Б. Окуня, зато Александр I рассматривается совершенно по-новому. По мнению этого исследователя, новый император имел продуманную программу решения крестьянского вопроса путем постепенной ликвидации крепостного права и планировал именно с нее начать преобразования. Ключевую роль в развитии дальнейших событий играл П. А. Зубов. Он якобы предложил царю компромисс: Александр соглашается поставить законодательную деятельность монарха под контроль вельможных кругов (реформа Сената), взамен сановная оппозиция не будет препятствовать в проведении крестьянской реформы. По мнению М. М. Сафонова, император не был противником конституционных идей и потому в принципе был готов согласиться с отдельными элементами представительного правления. Но так как это представительство задумывалось как чисто дворянское, то неизбежно вставал вопрос, какую позицию займут представители дворянства при обсуждении общесословных мероприятий. Александр I и «молодые друзья» придерживались утопической идеи, считая, что дворянство добровольно пойдет по пути, указанном монархом. Но действительность опровергла эти наивные ожидания. В результате широко задуманная программа социально-экономических и политических реформ свелась, главным образом, к преобразованиям государственного устройства, причем реальное осуществление получили только те из них, которые способствовали централизации и бюрократизации государственного аппарата и дальнейшему укреплению самодержавия⁶⁴.

Концепция М. М. Сафонова достаточно убедительно объясняет ход развития событий в первые годы правления Александра I, однако ряд положений этой концепции представляется достаточно спорным. Так вряд ли можно согласиться с оценкой проекта «Жалованной Грамоты Российскому народу» 1801 года как феодальной хартии, так же как и с чрезмерным выпячиванием роли П. А. Зубова. Наконец, не лишена противоречий оценка действий Негласного Комитета. С одной стороны М. М. Сафонов постоянно указывает на желание «молодых друзей» всячески затормозить реформаторскую деятельность Александра I, с другой – признаёт приверженность «молодых друзей» идеям конституционализма, причем общесословного характера.

Для отечественной *историографии 1990-х гг.* характерен некоторый спад интереса к рассматриваемой проблематике. Объясняется это, видимо, не столько исчерпанностью разработки данной темы, сколько общим разочарованием в возможностях успешного реформирования социально-экономической и политической системы страны путем соответствующих мероприятий и реформ «сверху».

Из работ, вышедших в начале 1990-х гг. и посвященных проблеме разработки проектов реформ в александровскую эпоху, следует отметить обстоятельную статью В. А. Федорова «Александр I» в журнале «Вопросы истории» № 1 за 1990 г., в которой сквозь призму био-

⁶⁴ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII–XIX вв. Л., 1988. С.140–141, 142–146, 164–166, 236–242.

графии Александра I даёт глубокий анализ причин, побудивших Александра I начать разработку проектов конституционных реформ, а также причин неудачи этих попыток. При этом автор поддерживает концепцию приспособления самодержавия к новым общественным условиям⁶⁵.

Также определённый интерес представляет и статья в «Вопросах истории» в № 5–6 за 1995 год *И. В. Волковой и И. В. Курукина*, посвященная анализу феномена дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. Авторы высказывают оригинальную мысль, утверждая, что большая часть удавшихся и неудавшихся дворцовых переворотов сопровождалась попытками аристократических кругов ограничить самодержавную власть, в т. ч. и при помощи разработки соответствующих конституционных проектов. При этом данная тенденция рассматривается как закономерность политического развития России XVIII–XX вв.⁶⁶

Из монографических исследований 1990-х гг. следует выделить, прежде всего, обширный труд *А. Н. Медушевского* «Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе», являющийся логическим продолжением его более ранней работы «Утверждение абсолютизма в России: сравнительно-историческое исследование». Рассматриваемая монография – это плод многолетних изысканий автора, написанный на стыке истории и политологии. В центре исследования находится проблема перехода от авторитарных политических систем к демократическим. И на этом фоне обобщается весь опыт российского парламентаризма и конституционализма в сравнительно-историческом аспекте. Значительное внимание Медушевский уделяет становлению и развитию конституционных идей в России во второй половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. Разработку конституционных проектов на высшем уровне в правление Александра I А. Н. Медушевский считает вполне оформившейся и закономерной тенденцией политического развития России, уходящей корнями в XVIII век и имеющей источники как за рубежом (идеология Просвещения, Великая Французская революция), так и в России (проекты «верховников», конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина и т. д.). Но самое ценное в монографии Медушевского заключается в том, что автор выявляет типологию развития конституционализма в России⁶⁷.

Значительный интерес представляют также монографии *А. Б. Каменского* «Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация» и *Ю. А. Сорокина* «Российский абсолютизм в последней трети XVIII века». Обе работы посвящены проблеме эволюции российского абсолютизма, причем оба исследователя особое внимание уделяют правлению Екатерины II и царствованию Павла I.

А. Б. Каменский, рассматривает весь XVIII в. в истории России, и в особенности его вторую половину, как сплошную череду реформ или попыток реформ «сверху», главная цель которых – модернизация абсолютистского режима и его приспособление к изменившимся социально-экономическим и особенно политическим условиям Нового времени. Хотя в центре внимания исследователя стоит поиск тенденций и закономерностей в развитии России в XVIII в., Каменский в конце работы делает ряд аналитических замечаний по поводу правления Александра I. По его мнению, эпоха Александра I – это история еще одного реформатора на троне, ставившего перед собой глобальные задачи и допускавшего перестройку всей системы управления, включая компетенцию императора в системе государственной власти. Главной проблемой для Александра I стало резкое сужение реформаторского пространства по сравне-

⁶⁵ Фёдоров В. А. Александр I // Вопросы истории. 1990. № 1.

⁶⁶ Волкова И. В., Курукин И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII–XX вв. // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 43–47.

⁶⁷ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 281–326. См. также: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М., 1994. Он же. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России. // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 69–78.

нию со второй половиной XVIII в. Решение всех сколько-нибудь принципиальных вопросов упиралось в главную проблему крепостничества, а решительным образом эту проблему Александр I решить не смог⁶⁸.

В монографии Ю. А. Сорокина основное внимание уделяется правлению Павла I. Автор прослеживает эволюцию российского абсолютизма от «просвещенного» абсолютизма Екатерины II к «непросвещенному» абсолютизму Павла I, рассматривая их как два альтернативных варианта исторического развития страны. Значительное внимание Сорокин уделяет взаимоотношениям Павла с его наставником, известным политическим деятелем и конституционалистом Н. И. Паниным. При этом автор, на наш взгляд, не совсем обоснованно считает, что Павел и Н. И. Панин не были единомышленниками, и Павел Петрович никогда не придерживался конституционных взглядов⁶⁹.

В целом же, несмотря на ряд спорных утверждений, Ю. А. Сорокин выявляет влияние политики Павла I на внутреннюю и внешнюю политику России первой половины XIX в., т. е. усматривает преемственную связь реформаторских начинаний Павла I и императора Александра I.

Личность Павла I и спорные моменты его деятельности оказалась в центре внимания исследователей в 1990-е годы. Помимо монографии Ю. А. Сорокина нельзя не отметить очерк о Павле I А. Г. Тартаковского. Личностью Павла занимались также Г. Л. Оболенский и А. М. Песков. Для всех этих работ, разных по своему достоинству, характерно рассмотрение Павла I как сложной исторической личности, в которой совместились и реформаторские и консервативные устремления. В целом же Павел I расценивается как неудавшийся реформатор, но, тем не менее, заложивший основы будущего развития России в XIX в.⁷⁰

Следует отметить и монографию С. А. Омельченко, посвященную проблемам становления концепции «просвещенного абсолютизма» в России при Екатерине II. Автор справедливо отмечает явные отличия этой концепции в интерпретации Екатерины от аналогов в странах Западной Европы, особенно в отношении крестьянского вопроса.⁷¹

В целом для историографии 1990-х годов характерно обращение многих исследователей к жанру *психологического портрета*. Помимо Павла I особой популярностью пользовалась противоречивая фигура Александра I. Кроме уже упоминавшейся работы В. А. Федорова ему посвящены монографические исследования А. Н. Сахарова, А. Н. Архангельского и Н. А. Троицкого. А. Н. Сахаров рассматривает всю деятельность Александра I сквозь призму искупления греха отцеубийства. Он достаточно убедительно доказывает, что и переход к разработке конституционных реформ, и отказ от их осуществления можно объяснить психологическими факторами. Искренняя любовь к стране, стремление сделать лучше жизнь большинства населения, чтобы хоть как-то оправдать участие в заговоре против отца, являлись, по мнению А. Н. Сахарова, главными мотивами деятельности императора. Сомнения в правильности выбранного пути, опасения, что задуманные преобразования приведут к негативным результатам, стали главными причинами нереализованности конституционной альтернативы, искренним приверженцем которой был сам император. При этом автор считает достаточно правдоподобной версию о тайном отречении Александра I в 1825 г. («легенда о старце Федоре Кузьмиче»)⁷².

⁶⁸ Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999. С. 299–300.

⁶⁹ Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999. С. 5–6, 163–167, 184–185.

⁷⁰ Тартаковский А. Г. Павел I. М., 1998; Оболенский Г. Л. Павел I. М., 1994; Песков А. М. Павел I. М., 1999.

⁷¹ Омельченко С. А. Законная монархия Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. Похожая оценка внутренней политики Екатерины II прослеживается в статьях Я. Е. Водарского. См. например: Водарский Я. Е. Екатерина II: от французской философии к российской реальности. // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 48–61.

⁷² Сахаров А. Н. Александр I. М., 1998. Данная монография является расширенным вариантом более ранней беллетристической работы автора. См.: Сахаров А. Н. Человек на троне. М., 1992.

Монография *Н. А. Троицкого* «Александр I и Наполеон», написанная блестящим литературным языком, посвящена сравнительному жизнеописанию двух императоров. Автор сопоставляет их судьбы, оценивает их взгляды, деяния, а также смысл, возможные альтернативы и итоги их деятельности. Учитывая, что герои книги взаимодействовали и сталкивались, прежде всего, на международной арене, в центре внимания автора закономерно находятся внешнеполитические аспекты их деятельности. Но при этом *Н. А. Троицкий* уделил значительное внимание и внутривнутриполитическим вопросам, в частности, попыткам Александра I провести конституционные реформы. В их оценке он близок к сторонникам «теории приспособления» («реформы 1801–1804 гг. были закономерным результатом распространения в России конституционных идей, включая собственные воззрения Александра I»), но одновременно считает обоснованными и ряд доводов сторонников теории «заигрывания с либерализмом» («Александр I не испугался «последнего шага» по пути реформ, а почувствовал, что уже сделанными, т. е. именно промежуточными и половинчатыми, шагами он достаточно упрочил свое положение, примирив старую знать с новой, и не нуждается в дальнейших реформах»). В целом, оценивая Александра I как личность и политика, *Н. А. Троицкий* замечает, что после Наполеона по уровню способностей и интеллекта Александр был самым умным и умелым политиком, приводя при этом схожие слова самого Наполеона, сказанные им в конце жизни на острове Святой Елены: «Это, несомненно, самый способный из всех царствующих монархов».⁷³

Монография *А. Н. Архангельского* «Александр I» является, по сути, историко-беллетристическим произведением и, наверное, самым «психологическим» из написанных в жанре психологического портрета. Автор делает упор на выяснении мотивов деятельности императора, его поведения в частной и политической жизни. Главным из них Архангельский считает идею искупления вины за участие в заговоре против отца, а отсюда стремление «осчастливить» страну введением Конституции, правового кодекса, отменой крепостного права, чтобы оставить о себе добрую память и скрасить мрачные впечатления от обстоятельств прихода к власти. Однако с течением времени, реформаторский пыл Александра угас, расставаться с абсолютной властью ему все менее хотелось. В результате внутренний конфликт мотивов привел к тому, что император периодически возобновлял работу над проектами конституции, но в решающий момент отказывался сделать последний шаг. В целом концепция *А. Н. Архангельского* является по своей сути одной из разновидностей концепции «заигрывания с либерализмом».⁷⁴

Из работ, посвященных внешней политике России рассматриваемого периода, следует отметить статью *Г. И. Герасимовой* о внешнеполитической концепции графа *Н. И. Панина* и статью *О. А. Савельевой* о графе *И. Каподистрии* и его влиянии на проведение в жизнь политики «конституционной дипломатии» в 1814–20 гг., опубликованных в сборнике «Российская дипломатия в портретах»⁷⁵.

Работа *В. И. Морякова* о русском просветительстве второй половины XVIII в. проливает свет на идеологическую основу павловского правления. Исследования *Н. М. Михайловой* о либерализме в России на рубеже XVIII и XIX вв. и несколько работ *Ф. А. Петрова* об университетской реформе 1804 г. и развитии университетского образования в первой половине XIX века внесли определённый вклад в рассмотрение проблем общественно-политического и культурного развития России на рубеже XVIII и XIX вв.⁷⁶

⁷³ Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994., С. 85–86, 292–293.

⁷⁴ Архангельский А. Н. Александр I. М., 2000.

⁷⁵ Герасимова Г. И. Северный аккорд графа Панина. Проект и реальность. // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 62–79; Савельева О. А. Греческий патриот на службе России. И. А. Каподистрия и Священный союз // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 135–151.

⁷⁶ Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII в.: из истории общественно-политической мысли в России. М., 1994; Михайлова Н. М. Либерализм в России на рубеже XVIII–XIX вв. // автореферат дис... канд. ист. наук. М.,

Для историографии 2000-х гг., как и для историографии предшествующего периода, характерен некоторый спад интереса к проблеме конституционных реформ второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. С другой стороны, были предприняты первые попытки концептуального осмысления всего пути развития российского конституционализма с XVIII до начала XX века. Именно этой теме посвящены вступительные статьи А. Н. Сахарова и А. Н. Медушевского к уже упоминавшемуся сборнику конституционных проектов «Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв.», подготовленного в Институте Российской истории РАН в 2000 г. В статье «Конституционные и цивилизационные судьбы России» А. Н. Сахаров рассуждает о возможности иных альтернатив в российской истории. По его мнению, «теория альтернатив», давно существующая на Западе, вполне применима и к российскому историческому процессу, так как «человеческая история потому и оказывается историей, что она составлена порой не столько из уже свершившихся фактов и событий, сколько из нескончаемой череды великого множества альтернатив, их драматических отборов, оттеснений... что и составляет живую ткань исторического процесса». Нельзя не согласиться с автором, что обращение к конституционным проектам в истории России, и, прежде всего, проектам XVIII – начала XIX вв., пусть нереализованным, но обозначенным, позволяет ярче высветить всю политическую палитру России этого периода. По мнению А. Н. Сахарова, первые ростки конституционной альтернативы в России появляются еще в XVI веке в сочинениях князя А. Н. Курбского, затем во время событий Смутного времени («крестоцеловальная запись» Василия Шуйского при вступлении на престол). Ее окончательное оформление происходит в XVIII веке в проектах «верховников» и Н. И. Панина. С приходом к власти Александра I реализация этой альтернативы становится как никогда реальной благодаря особенностям мировоззрения молодого императора. Однако в решающий момент он отказался от воплощения им же самим задуманного, и Конституция в России так и не была принята. Одну из главных причин А. Н. Сахаров видит в неуверенности Александра I по поводу последствий принятия Конституции: «Каждый реформаторский шаг российских монархов постоянно и многократно взвешивался... и если баланс нарушался и грозил не просчитанными и далеко идущими вариантами, власть давала немедленный отбой». К тому же, получив в свои руки неограниченную власть, Александр I уже не очень-то хотел с ней расставаться. Несмотря на неудачу с реализацией конституционных проектов при Александре I, их значение, по мнению Сахарова, все равно было велико, так как свидетельствовало о переходе на иной, более прогрессивный уровень развития цивилизации.⁷⁷ Подобные же рассуждения приводятся и в статье А. Н. Сахарова «Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России», опубликованной в 2004 г. в журнале «Гражданин».⁷⁸ Большинство доводов Сахарова представляются достаточно убедительными, хотя в некоторых рассуждениях автора, на наш взгляд, присутствует излишняя модернизация, осовременивание образа мышления Александра I и его окружения с позиций сегодняшнего дня. Например, автор излишне часто использует термин «цивилизационный» (учет русскими монархами XVIII в. «цивилизационных параметров страны», «цивилизационной отсталости России», понимание Александром I «цивилизационного уровня страны» и т. д.).⁷⁹ Все-таки в то время термин «цивилизация» еще не был включен в научный и политический лексикон, поэтому Александр I и его соратники явно не могли мыслить подобными категориями.

1998; Петров Ф. А. Формирование системы университетского образования в России в первой половине XIX в. // автореферат дис... докт. ист. наук. М., 1999; Его же. Российские университеты в первой половине XIX в. Формирование системы университетского образования в России. М., 1998. Кн. 1.

⁷⁷ Сахаров А. Н. Конституционные и цивилизационные судьбы России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 9–78.

⁷⁸ Сахаров А. Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России. // Гражданин. 2004. № 3. С. 107–120.

⁷⁹ Сахаров А. Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России. // Гражданин. 2004. № 3. С. 108, 110, 111–112.

А. Н. Медушевский в статье «Конституционные проекты в России» попытался выявить *специфические черты*, присущие российскому конституционализму.⁸⁰ К таковым автор относит заимствованный (с Запада) характер конституционных идей, немассовость сторонников конституционализма из-за отсутствия широкой социальной опоры в лице среднего класса, а отсюда его верхушечный характер. По мнению А. Н. Медушевского, в силу этих причин российский конституционализм так и не стал «реальной политической силой, способной трансформировать политическую систему абсолютистского государства», а остался «своеобразным интеллектуальным течением, отстаивавшим ограничение власти главным образом из чисто теоретических соображений, апеллируя при этом часто к самой власти». Представляется очень важной и правильной мысль ученого о том, что российский конституционализм отражает доминирующую тенденцию к рационализации, модернизации и европеизации российского политического строя и не может быть объяснен вне её. В связи с этим конституционные проекты XVIII–XIX вв. возникают в периоды крупных социально-политических реформ, связанных с осознанием правящей элиты факта отставания страны по отношению к странам Запада и стремлением преодолеть его с помощью заимствования западных политических институтов. Что касается оценки конституционных проектов 1-й четверти XIX в., интересующих нас, прежде всего, то в отличие от А. Н. Сахарова, Медушевский относит их к типичным проявлениям «мнимого конституционализма» бонапартистского образца, в которых выборы сводятся к фарсу, а парламент не обладает реальными законодательными полномочиями. По мнению Медушевского, реализация проектов Негласного Комитета, проекта М. М. Сперанского и Уставной Грамоты 1818–1820 гг. привела бы к созданию более рационализованной бюрократической администрации, возможно, ограничению произвола монархической власти, но отнюдь не к созданию конституционной монархии. При этом автор считает признаками конституционной монархии парламентский контроль над бюджетом, ответственность министров перед Парламентом, контрассигнацию министром подписи монарха. Ни одного из этих признаков в вышеназванных проектах он не обнаруживает.⁸¹ Подобное утверждение представляется весьма спорным. Указанные автором признаки конституционной монархии являются признаками парламентской монархии английского типа, но ведь существует и другой вид конституционной монархии – так называемая дуалистическая монархия, признаки которой как раз отчетливо обнаруживаются в проектах 1-й четверти XIX в. Однако Медушевский, видимо, не считает подобную монархию конституционной. На наш взгляд, здесь налицо чрезмерное сужение самого понятия «конституционная монархия». Ведь дуалистические монархии, в отличие от абсолютных, функционируют на основе и в рамках Основного закона государства, т. е. Конституции, следовательно, уже только на этом основании их можно с полным правом считать конституционными. Другое дело, что соотношение полномочий монарха и парламента в парламентской и дуалистической монархиях несравнимо. Более подробно наша точка зрения по этому вопросу будет освещена при анализе Уставной грамоты Российской империи 1818–1820 гг. Причины нереализованности конституционных проектов 1-й четверти XIX в. Медушевский видит в невозможности в условиях конкретной политической ситуации того времени одновременно решить вопрос о политическом переустройстве государственной системы и вопрос о крепостном праве. По его мнению, «ослабление монархической власти как единственной надсословной силы, способной провести крестьянскую реформу сверху, становилось в этих условиях деструктивным фактором социального развития».⁸² Подобное объяснение представляется убедительным и объективным.

⁸⁰ Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 95–166.

⁸¹ Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 115–120.

⁸² Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв.

Похожих взглядов придерживается *А. В. Гоголевский*, автор вступительной статьи к сборнику документов «Конституционализм. Исторический путь России к либеральной демократии», вышедшего почти одновременно с «Конституционными проектами в России XVIII – начала XX вв.». Автор рассматривает российский конституционализм как сложное, многомерное явление государственной и общественно-политической жизни, принимавшее различные формы и содержание в зависимости от конкретно-исторических условий. Конституционные замыслы Александра I он считает вполне искренними, а причину их неудачи – в оторванности западной конституционно-демократической идеи от российских реалий, почти полном отсутствии социальной базы конституционных реформ.⁸³

Из монографических исследований этого периода следует отметить работы *М. М. Сафонова*, *Н. В. Минаевой*, *В. С. Парсамова* и *К. С. Чернова*.

Монография *М. М. Сафонова* «Завещание Екатерины II» посвящена политической борьбе в придворных кругах в 70–90-е гг. XVIII в. вокруг вопроса о престолонаследии. На основе многочисленных документальных источников, в том числе архивных материалов, автор вскрывает реальную подоплеку сложных, а затем и откровенно враждебных взаимоотношений Екатерины II и Павла Петровича и пытается по-новому осветить многие, казалось бы, давно известные события екатерининского царствования, например, связанные с наступлением совершеннолетия Павла и борьбой «панинской партии» за соправительство.⁸⁴

Книга *Н. В. Минаевой* «Век Пушкина» является своеобразным продолжением ее монографического исследования «Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века» и повествует о событиях истории России 1-й половины XIX в., связанных с попытками модернизации российского абсолютизма. Причём все эти события рассматриваются сквозь призму жизни и деятельности А. С. Пушкина. В монографии нашёл воплощение фактически весь круг научных интересов автора. При этом особое внимание уделяется анализу проектов конституционной и крестьянской реформ в период правления Александра I и, в меньшей степени, Николая I. Огромное внимание Н. В. Минаева уделила личностному аспекту при анализе реформаторских проектов. В книге дается блестящая характеристика М. М. Сперанского, деятелей Негласного Комитета, П. Д. Киселева, Н. М. Карамзина и др. Особый научный интерес представляют приложения к монографии, в которых публикуются (некоторые впервые) документы, собранные автором в течение своей научной деятельности и свидетельствующие о реальной возможности реформирования российского государственного строя в 1-й половине XIX века (различные проекты и записки М. М. Сперанского, П. Д. Киселева, тексты Жалованной Грамоты Российскому народу 1801 г. и Уставной Грамоты Российской империи 1818–1820 гг. и др.).⁸⁵

Монография *В. С. Парсамова* «Декабристы и французский либерализм» является сравнительно-историческим исследованием идеологии декабристов и французского либерализма начала XIX в. В первой части работы затрагивается вопрос о реформировании государственного строя России в 1801–20 гг. В оценке проектов М. М. Сперанского и Н. Н. Новосильцева позиция В. С. Парсамова в целом напоминает концепцию С. В. Мироненко и Н. В. Минаевой. Проекты эти оцениваются как умеренно-конституционные и как прямые предшественники конституционных проектов декабристов.⁸⁶

М., 2000. С. 119.

⁸³ *Гоголевский А. В.* Русский либеральный конституционализм. // Конституционализм. Исторический путь России к либеральной демократии. М., 2000. С. 7–39.

⁸⁴ *Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2001.

⁸⁵ *Минаева Н. В.* Век Пушкина. М., 2007.

⁸⁶ *Парсамов В. С.* Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

Монография К. С. Чернова «Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи» посвящена, как видно из названия, анализу конституционного проекта, по сути, подводящего итоги всей реформаторской деятельности Александра I.⁸⁷

В этой работе наиболее интересна ее источниковедческая часть, особенно многочисленные приложения, в которых автор публикует свой собственный перевод с французского языка на русский первой и третьей редакции Уставной Грамоты, развернутую схему будущей структуры органов государственной власти, а также сравнительную таблицу статей второй редакции Грамоты с зарубежными и отечественными источниками.

Саму же Уставную Грамоту К. С. Чернов рассматривает не как проект Конституции, а всего лишь как проект административной реформы, цель которой – завершить процесс «институционализации российского абсолютизма». По мнению автора, никакого ограничения власти монарха не должно было произойти, народное представительство вводилось чисто фиктивно, принцип разделения властей сводился к формальному «отделению друг от друга различных частей административного управления», никаких элементов федерализма не вводилось, а раздел о правах и свободах личности является не свидетельством внедрения норм буржуазного права, а окончательной структуризацией сословных прав и привилегий.⁸⁸ Подобная оценка содержания Уставной Грамоты представляется, по меньшей мере, спорной. Вообще, бросается в глаза чрезмерная безапелляционность многих суждений автора, в тексте монографии слишком часто встречаются фразы типа «безусловно», «вне всякого сомнения», «однозначно» и т. д. В результате личное мнение автора, иногда весьма спорное, выдается чуть ли не за истину в последней инстанции.

Концепция автора явно страдает определенной заданностью, а в некоторых моментах и предвзятостью. К. С. Чернов, изначально являясь приверженцем концепции «заигрывания Александра I с либерализмом», уже в предисловии заявляет об отсутствии у него каких-либо серьезных реформаторских намерений, приверженности абсолютизму в чистом виде. Выдвинув этот тезис, автор пытается обосновать его фактами, а если они не подтверждают выдвинутое предложение, то начинается их интерпретация в нужном свете и подгонка под готовую концепцию. В результате вывод опережает обоснование, из-за чего страдают логика и объективность всей концепции.⁸⁹

В историографии 2000-х гг. не остался без внимания и жанр психологического портрета. Из наиболее интересных работ можно отметить монографию *П. Д. Николаенко* о князе В. П. Кочубее⁹⁰, статью *М. А. Крисань* о князе Адаме Чарторижском⁹¹ и, особенно, статью *Н. В. Минаевой* о Н. И. Панине, в которой содержится не только характеристика личности героя очерка, но и дается развернутый анализ его деятельности, включая разработанные им конституционные проекты.⁹² Также следует отметить содержательную монографию *А. В. Дёмкина*, посвященную анализу внутренней политики Александра I в 1801–1805 гг. Автор достаточно подробно рассматривает деятельность Негласного Комитета и конкретные внутривнутриполитические мероприятия указанного периода.⁹³

⁸⁷ Чернов К. С. «Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007.

⁸⁸ Чернов К. С. «Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи». М., 2007. С. 80, 95, 110–112.

⁸⁹ Более подробно наши возражения на концепцию К. С. Чернова изложены в рецензии, опубликованной в журнале «Отечественная история». См.: Захаров В. Ю. Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная Уставная Грамота Российской империи» (рецензия) // Отечественная история. 2008. № 4. С. 190–195.

⁹⁰ Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб., 2009.

⁹¹ Крисань М. А. Адам Чарторижский. // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 58–65.

⁹² Минаева Н. В. Никита Иванович Панин. // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 71–91.

⁹³ Дёмкин А. В. «Дней Александровых прекрасное начало». Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М., 2012.

Из зарубежной историографии в представленном исследовании использовались в основном работы по истории внешней политике России конца XVIII – 1-й четверти XIX вв. Из них особенно следует отметить монографии *Дж. Берти, П. Кеннеди-Гримстеда, Дж. Мак Найта, Н. Соула, Х. Рэгсдейла, М. Кукеля и Е. Скворонка*, посвященные различным аспектам политики «конституционной дипломатии» России в первой четверти XIX века⁹⁴.

Заслуги зарубежных историков по рассмотрению реформирования политического режима в России второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. гораздо скромнее отечественных. Из работ иностранных авторов можно отметить монографии *Р. Джонса* об изменении социальной психологии русского дворянства в годы екатерининского правления⁹⁵, *Б. Михана-Уотерса* о политической борьбе вокруг «кондиций» верховников в 1730 г.⁹⁶, *С. Бертолисси* о развитии конституционализма в России⁹⁷, а также биографические работы *Д. Л. Рансела* о Н. И. Панине, *Р. Е. Мак-Грю* о Павле I и *А. Валлотона* об Александре I⁹⁸.

Несколько особняком стоит работа американского историка *Марка Раева* «Планы политической реформы в Императорской России: 1732–1905 гг.», вышедшая в свет в 1966 г. и до настоящего времени не потерявшая научного интереса.

Монография основана на большом массиве источников и особенно интересна тем, что автор делает попытку выявить типологию развития конституционализма в России на основании изучения реализованных и нереализованных конституционных проектов на протяжении XVIII–XIX вв. вплоть до первой русской революции. При этом автор считает, что российский конституционализм (восточного типа) значительно отличался от западного (более последовательно буржуазного) и имел свои специфические особенности⁹⁹.

При этом следует иметь в виду, что М. Раев продолжает традиции А. А. Кизеветтера, любимого учителя академика Н. М. Дружинина. Также следует отметить фундаментальный вклад *Г. В. Вернадского* в разработку проблемы развития конституционных идей в России в XVIII–XIX вв., продолжавшего традицию отечественного либерального конституционализма¹⁰⁰.

Итак, на основе приведенного выше обзора историографии выявляются различные подходы, по-разному объясняющие причины, ход и результаты преобразований начала XIX века. Чрезвычайная сложность и противоречивость политической ситуации на рубеже XVIII и XIX вв., специфика источниковой базы (разработка конституционных проектов проходила в обстановке строжайшей секретности), позволяют предполагать, что многие тайные источники до нас не дошли. Пытаясь выявить глубинные побудительные мотивы деятельности того или иного участника событий, исследователь должен учитывать его социально-психологические характеристики, при этом опираясь на разрозненные и зачастую весьма противоречивые суждения современников, записи в дневниках и т. д. А это позволяет по-разному интерпретиро-

⁹⁴ *Берти Дж.* Россия и итальянские государства в эпоху Рисорджименто. М., 1954; *Kennedy-Grimsted P.* Foreign Ministers of Aleksander I. – Barkley. Los-Angeles. 1969; *McNight J. L.* Admiral Ushakov and the Ionian Republic. Te Genesis of Russian's First Balkan Sattelite. Ph. D. Dissertation. Univercity of Wiskonsin, 1965; *Soul N. E.* Russia and the Meditaranian. 1797–1807. Chicago. London, 1970; *Kukiel M.* Ksiaze Adam. Warszawa. 1993; *Scowronec E.* Antynapoleonskie koncepcje Czartoryskigo. Warszawa, 1969. *Scowronec E.* Adam Jerzy Czartoryski. Warszawa. 1994; *Рэгсдейл Х.* Просвещённый абсолютизм и внешняя политика России в 1762–1815 гг. // Отечественная история. 1998. № 3. С. 3–25.

⁹⁵ *Jones R.* Te Emancipation of the russian nobility. 1762–1785. Princeton, 1973.

⁹⁶ *Meehan-Waters B.* Autocracy and Aristocracy. Te Russian Service Elite of 1730. New Brunswick, 1982.

⁹⁷ *Бертолисси С.* Введение к изучению конституционных проектов в России XVII–XX вв. // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2000. С. 79–94; *Bertolissi S.* Il progetto costituzionale di N. N. Novosil'cev // Annali. Sezione storico-politico-sociale. XI–XII. Napoli, 1994.

⁹⁸ *Ransel D. L.* Te Politics of Catherenian Russia. Te Panin Party. New Haven, 1975; *McGrew R. E.* Paul I of Russia. Oxford, 1992; Валлотон А. Александр I. М., 1991.

⁹⁹ *Raef M.* Plans for Political Reform in Imperial Russia. 1732–1905. New-Jersey, 1966.

¹⁰⁰ *Vernandsky G.* La charte constitutionnelle de l'Empire Russe de l'an 1820. Paris, 1933.

вать иногда одно и то же событие. И однозначно ответить, какая интерпретация является более истинной и достоверной, представляется не всегда возможным.

Большинство исследователей оценивают проведенные преобразования как попытку верховной власти приспособить государственный аппарат страны к новому уровню социально-экономических отношений. Однако в трактовке конкретных обстоятельств, обусловивших вступление правительства на путь реформ, мнения исследователей расходятся, что и отвечает задаче научного поиска.

В вышеприведенном историографическом обзоре были рассмотрены работы историков, связанные с изучением проблемы эволюции российского абсолютизма 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. и истории развития российского конституционализма, в которых были предприняты попытки ее общего концептуального осмысления. По более частным вопросам небольшие историографические обзоры будут даваться в каждой главе данной работы.

Методология и задачи исследования

Методология исторического исследования включает в себя общие концептуальные представления о сущности и направлении исторического развития, а также совокупность конкретных приемов и методов изучения материала. При этом отбор конкретных методов исследования зависит, как правило, от выбранного концептуального подхода.

В настоящее время существует три основных макрообъяснительных модели исторического развития: *формационная, цивилизационная и модернизационная*. Причем первые две модели (или метатеории) не ограничиваются временными рамками и претендуют (естественно, каждая по-своему) на объяснение всей истории человеческого общества. Модернизационная модель ориентирована на анализ исторических событий с XVII–XVIII вв. по настоящее время. Поэтому к макрообъяснительным моделям ее можно отнести с известной долей условности.

В любом случае все три макротеории задают *системность* в изучении конкретных исторических проблем. Они позволяют вписать конкретное общество, событие, процесс в контекст общемировой истории либо через универсальные закономерности общественного развития (формационный подход), либо через социокультурное своеобразие общества (цивилизационный подход).

Выбор макрообъяснительной модели зависит во многом от мировоззренческой позиции исследователя. С точки зрения исторического объективизма в каждой из этих макротеорий есть рациональное зерно, свои плюсы и минусы. Нельзя сказать, что в одной есть только достоинства, а в другой – только недостатки. К тому же следует учитывать, что история как наука имеет дело с длительным и незавершенным процессом, и то, что кажется истинным сегодня (исходя из принципа «настоящее есть критерий оценки прошлого»), может потребовать иных объяснений завтра. Мы склонны согласиться с мнением тех ученых, которые считают невозможным создание универсальной и законченной теории исторического процесса, хотя бы в силу его крайней сложности и многоплановости.

Исходя из этого, все три макротеории следует рассматривать и применять не изолированно друг от друга, а как *взаимодополняющие*, позволяющие с разных сторон раскрыть и оценить ход исторического процесса. Поэтому на наш взгляд, наиболее плодотворным будет своеобразный *концептуальный синтез*, объединяющий лучшее из формационной, цивилизационной и модернизационной теорий. *Формационная теория*, как никакая другая, применима при *периодизации* исторического процесса во всемирном и национальном масштабе. С нашей точки зрения, такая периодизация необходима, она позволяет ориентироваться в многообразном историческом материале, четко структурировать во времени и пространстве собственные знания по конкретной исторической проблеме. Предложенная формационной теорией периодизация (во всяком случае, до 2-й пол. XIX в.), представляется нам наиболее объективной. Если отбросить излишнюю идеологизированность, присущую этому подходу в советский период, следует признать, что используемая им терминология является устоявшейся и научно верифицируемой. Такие понятия, как «феодализм», «капитализм», «рабовладение» в равной степени используются и отечественными, и зарубежными учеными, и понимается под ними практически одно и то же.¹⁰¹ В рамках периодизации, предложенной формационной теорией,

¹⁰¹ *Теория формаций*, являющаяся одной из разновидностей стадийного подхода к историческому развитию человечества, была разработана К. Марксом на основе материала по истории Западной Европы. Тем самым в ней отражен, прежде всего, европейский исторический контекст и сделан упор на самостоятельный, первичный (эндогенный) переход общества с одного этапа на другой. На наш взгляд, к *сильным сторонам* этой теории можно отнести *наличие четкого единого критерия* (социально-экономического или, еще конкретнее, отношений собственности), ярко выраженная *стадийность* (деление истории человечества на 5 формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и коммунистическую с переходным социалистическим этапом), *логичность и простоту для понимания* (каждая новая ступень проистекает из

вполне применимы разработки *цивилизационного подхода*. Они позволяют выявить *специфические особенности, своеобразие* каждого конкретного сообщества людей.¹⁰² Наиболее объективной и обоснованной нам представляется *векторно-стадиальная модель* цивилизационного

предыдущей и является ее закономерным продолжением). Благодаря этим достоинствам формационная теория дает возможность моделировать исторический процесс и сравнивать различные общества по уровню развития. К *недостаткам формационного подхода* можно отнести *чрезмерный экономцентризм*, из-за чего факторы развития сводятся в основном к соотношению производительных сил и производственных отношений; явный *европоцентризм* (в результате чего, формационная модель оказалась с трудом применима или даже вообще не применима к цивилизациям Востока), а также *не оправдавшийся прогноз К. Маркса* о неизбежной ликвидации капитализма и переходе к социализму и коммунизму. Хотя Маркса вряд ли можно обвинять в необоснованном прожектерстве. Ведь он описывал и анализировал современное ему капиталистическое общество второй половины XIX в., а уровень социальных противоречий и конфликтности этого общества был настолько высок, что давал основания не только Марксу вполне обосновано предположить неизбежный крах общества социальной несправедливости. Сторонники марксизма отрицают (и на наш взгляд, вполне обоснованно) и обвинение Маркса в заведомой ошибочности социалистической и коммунистической перспектив развития человечества. Современный капитализм настолько отличается от стихийного капитализма второй половины XIX в., что ставит под сомнение само его название. Скорее можно говорить о *конвергентном обществе*, в котором соединились черты и капитализма (в экономической сфере, да и то, с большими изменениями) и предсказанного Марксом социализма (в социальной сфере). Действительно, и постоянно растущий уровень социальной защищенности населения развитых государств, и планирование государством макроэкономических показателей, и участие работников предприятий в управлении ими через акционирование свидетельствуют о том, что не так уж и не прав был Маркс, делая свой научный прогноз о направлении развития человеческого общества в будущем. Другое дело, что путь этот оказался не насильственно-революционным, а скорее эволюционно-реформистским – такой возможности Маркс явно не учитывал. Что касается пресловутого европоцентризма Маркса, то сторонниками формационной теории в XX в. он более успешно преодолен. На основе поздних работ Маркса, в которых упоминается так называемый «азиатский способ производства», основным элементом которого является государственная собственность на средства производства, в известную «пятичленку» была добавлена еще одна формация – «азиатская» или «древневосточная». Одновременно капиталистическая формация была разделена на 3 этапа: стихийного капитализма (XVII – 1-я пол. XIX в.), монополистического капитализма (кон. XIX – 1-я пол. XX в.) и современного или регулируемого капитализма (со 2-й пол. XX в.), достаточно серьезно различающихся между собой. Тем самым, в значительной мере была преодолена ограниченность первоначальной характеристики капиталистической формации К. Маркса, ограничивавшейся периодом до 1870-х гг. и догматически распространявшейся на последующий временной отрезок. Таким образом, современная формационная теория не является застывшей, она вполне жизнеспособна, и при условии её дополнения другими факторами, имеет ресурс для дальнейшего развития и применения в исторических исследованиях. Сторонниками формационного подхода в модернизированном и дополненном виде являются такие известные историки как В. И. Кузищин, Б. И. Семёнов, Н. И. Смоленский, Л. В. Милов. Последний в монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» выступает за обогащение марксистской методологии (по его мнению, в принципе правильной и востребованной) российской дореволюционной историографической традицией, обращавшей особое внимание на географический фактор. // См.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 3–4.

¹⁰² *Культурологический подход* (или *теория локальных цивилизаций*) был разработан в 1920-е – 30-е гг. О. Шпенглером, А. Тойнби, П. Сорокиным. В его основе лежит представление об истории как о нелинейном, многовариантном процессе. Цивилизация определяется через понятие «культура», «культурные ценности». Единая история человечества фактически отрицается. Исторический процесс сводится к возникновению, развитию и гибели разных типов культур или локальных цивилизаций, которые индивидуальны, неповторимы и самодостаточны. Тем самым в данной модели основной акцент делается на выяснении специфических, оригинальных признаков той или иной локальной цивилизации. Однако, *чётких критериев* выделения локальных цивилизаций сторонниками этой теории *выработано не было*. Каждый ученый исходил из собственных представлений о цивилизации. Отсюда полное разномыслие по поводу количества типов культур и локальных цивилизаций. Например, О. Шпенглер выделял 8 культурных форм, А. Тойнби – 21 локальную цивилизацию и т. д. Подобный *субъективизм* вряд ли можно отнести к достоинствам цивилизационного подхода. Близок к теории локальных цивилизаций так называемый *структурный* подход к определению понятия «цивилизация», восходящий к трудам русского историка Н. Я. Данилевского. По сравнению с предыдущим подходом понятие цивилизации формулируется более широко как совокупность экономических, политических, социальных и культурных элементов. При этом активно используются такие понятия как «культурно-исторический тип», «социокультурная система» и т. д. само же видение исторического процесса почти не отличается от теории локальных цивилизаций. Третьей разновидностью цивилизационной теории является *векторно-стадиальный* подход, основанный на признании единства в развитии человечества при многовариантной специфике его проявления в локальных цивилизациях. В качестве примера можно привести работы американского ученого С. Хантингтона и японского ученого Ш. Ито. Последний, в частности, признает существование более 20 локальных цивилизаций, что напоминает построения А. Тойнби. Однако видение исторического процесса в целом у Ш. Ито иное. По его мнению, все цивилизации в своем развитии проходят 5 стадий глобальных трансформаций или революций: антропную, аграрную, городскую, осевого времени и научную, а в недалёком будущем еще и экологическую. При этом глобальные трансформации создают предпосылки для заимствования культурного опыта из очагов преобразований, который влияет на стиль культуры локальных цивилизаций. Подробнее см.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991; Он же. Цивилизация перед судом истории. М., 1996; Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск. 1993; Сорокин П. Система социологии. М., 1993. Т. 1; Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991; Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004; Он же. Столкновение цивилизаций. М., 2006.).

подхода, довольно близкая по своему содержанию формационному подходу. Теория локальных цивилизаций, отрицающая единую всемирную историю, представляется искусственной умозрительной схемой, не учитывающей многообразные международные контакты и взаимовлияние отдельных цивилизаций.

При анализе исторических событий XVIII–XIX вв. особенно актуальной и применимой является модернизационная теория, позволяющая выявить все нюансы перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному.¹⁰³ Учитывая, что тема нашего исследования вписывается в эти рамки и касается, прежде всего, проблемы восприятия российским обществом западноевропейских политико-правовых идей, *концепции парциальной и многолинейной модернизации* представляются особенно востребованными.

Приступая к анализу конкретных методов, которые будут применяться в нашем исследовании, необходимо, хотя бы кратко осветить *предельно общее концептуальное авторское видение хода и особенностей российского исторического процесса*. Начнем с того общего положения, что Россия являлась и является, на наш взгляд, прежде всего, *европейской страной*, хотя бы в силу одинаковой религии с другими европейскими народами. Во-вторых, мы считаем более объективной точку зрения тех ученых, которые доказывают отсутствие цивилизационной цельности в истории России (Н. А. Бердяев, А. Я. Флиер). В социокультурном и

¹⁰³ Теория модернизации прошла несколько этапов в своем развитии. На первом этапе (2-ая пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.) господствовала линейная модель модернизации (С. Блэк, У. Ростоу и др.). Суть её заключалась в том, что модернизация рассматривалась как единый глобальный процесс, заключавшийся в распространении современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру. Каждое общество должно было пройти путь от «традиционности» к современности (modernity), под которой фактически понималась европейская индустриальная цивилизация. Тем самым модернизация, по сути, сводилась к вестернизации неевропейских цивилизаций. Конечным результатом модернизации должна была стать унификация и постепенная конвергенция мировых сообществ. Сама модернизация представлялась как процесс необратимый, линейный и прогрессивный. *Линейная теория модернизации*, ориентированная на единый путь развития всего человечества почти сразу же стала подвергаться критике за примат вестернизации, явный неучёт специфики каждой незападноевропейской цивилизации, а также международного контекста. Главным критиком оказались сторонники *депендентизма*, т. е. теории отсталости, зависимости и зависимого развития (английский историк Т. Шанин и др.). В результате на втором этапе (1980-е гг.) вместо линейной была сформулирована *парциальная модель* модернизации (Д. Рюшмейер и др.). Суть её сводилась к тому, что модернизирующееся общество не всегда может пройти все стадии модернизации до конца. В силу ряда причин в некоторых обществах модернизационные и традиционные элементы могут сплетаться в причудливые структуры, которые могут носить временный характер, а могут и сохраняться на протяжении жизни нескольких поколений. Тогда общество как бы «застывает» на стадии *частичной модернизации*, возникают различные несоответствия между политическими, социальными и экономическими институтами и внутри них, и даже в сознании конкретной личности. В итоге общество останавливается на стадии «устойчивого фрагментарного развития» с многочисленными внутренними противоречиями. На третьем этапе (кон. 1980-х – нач. 2000-х гг.) парциальная модель модернизации под воздействием новых эмпирических данных была преобразована в модель *многолинейной модернизации* (А. Турен, У. Бек, П. Штомпка, Т. Пишрайнен), которая в настоящее время пользуется наибольшей популярностью в научном сообществе. От предыдущих моделей модернизации её отличают, прежде всего, признание возможности проведения модернизации по *собственному оригинальному незападному пути* с учётом и на основе *национальных особенностей*. Также признаётся огромная роль *социокультурного и внешнего факторов* (для успешной модернизации необходимо равновесие и гармония между принимаемыми и традиционными ценностями, важна степень и форма воздействия со стороны более развитых государств), учитывается также фактор *исторической случайности и субъективный фактор* (воздействие конкретных личностей на процесс модернизации). Сама модернизация больше не рассматривается как единый непрерывный процесс системной трансформации, признаётся возможность цикличности модернизации с различным, а иногда и противоположным поведением сегментов общества в ходе её проведения. Модернизация понимается как крайне сложный и противоречивый эндогенно-экзогенный процесс, т. е. происходящий под воздействием сложного сочетания внутренних и внешних факторов. Более подробно по вопросам теории модернизации см.: Black C. E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N. Y., 1966; Rostow W. The Process of Economic Growth. Oxford, 1962; Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. // Экономическая история: обозрение. М., 2002. Вып. 8. С. 146–168. Проскурякова Н. А. Модели российской цивилизации и модернизации в западном и отечественном общественном сознании. // XIX век в истории России: современные концепции истории России и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. Вып. 163. М., 2007. С. 38–40; Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. М., 1998; Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994. С. 6–21). Хорос В. Г. Восток-Запад-Россия: мировые цивилизации и современность. // Восток-Запад-Россия. Сб. статей к 70-летию Н. А. Симония. М., 2002. С. 36–66; Он же. Русская история в сравнительном освещении. Учебное пособие. М., 1996; Каспэ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 85–135.).

политико-правовом измерении между разными этапами развития российского общества и государства скорее больше различий, чем сходств.

В период существования *Древнерусского раннефеодального государства (IX–XII вв.)* и в период *политической раздробленности* до монгольского нашествия русское общество развивалось примерно *по тому же пути, что и западноевропейское*, в некоторых аспектах даже превосходя его. Имеется в виду уровень культурного развития, уровень участия рядового населения в принятии политических решений и контроля за их исполнением («городская вечевая демократия», по образному выражению И. Я. Фроянова¹⁰⁴).

Монгольское нашествие стало переломным моментом в российской истории, серьезно *изменив вектор развития российского общества*. На развалинах Киевской Руси возникла фактически иная цивилизация, базировавшаяся на иных основаниях, многие из которых были заимствованы с Востока (отношения подданничества между правителем и населением, корпоративная структура общества, резкое снижение роли права в регулировании социальных отношений, увеличение деспотических тенденций в управлении государством, религиозная ортодоксальность и т. д.). Именно в XIII–XIV вв. наметилось *экономическое отставание от стран Запада* из-за ежегодной уплаты дани, с одной стороны, и *социокультурное отдаление* из-за изоляции и разрыва торговых связей – с другой. Эти процессы и предопределили особенности и противоречия дальнейшего исторического развития страны.

Россия не перестала быть европейской страной, но теперь в ней появились элементы восточного деспотизма. К тому же в социально-экономическом плане она значительно отстала от стран Запада.

С этого момента в развитии России преобладающим стал *внешний фактор* (вначале – достижение независимости от Золотой Орды и ликвидация ее остатков, затем – «догнать и перегнать Запад»). Фактически Россия превратилась в страну экзогенного, «догоняющего» развития, которое осуществлялось неравномерно и скачкообразно, ценой огромного напряжения людских и материальных ресурсов. Недостаточная развитость экономических факторов была компенсирована *резким повышением роли государства*, которое в XV–XVI вв. превратилось в главный системообразующий фактор во всех сферах общественной жизни. Одновременно возникла оригинальная внешнеполитическая тенденция – правящие круги, едва завершив длительный и мучительный процесс объединения, почти сразу перешли к *территориальной экспансии*, обосновывая ее необходимостью превентивной борьбы с внешними врагами. Ее идеологическим прикрытием стала концепция «Москва – Третий Рим», согласно которой православное Московское государство объявлялось правопреемницей не только Византийской, но и Римской империй. Тем самым уже в XVI в. обозначились *имперские тенденции* в российской внешней политике. Однако чересчур активная внешняя политика во время правления Ивана Грозного вместе с попыткой ввести самодержавное правление при помощи террора (Опричнина) привели к перенапряжению народных сил, тяжелейшему экономическому кризису, введению крепостного права и, как следствие, к Смутному времени, поставившему под вопрос само существование независимого российского государства. Сохранив суверенитет, Россия вышла из Смуты ослабленной и экономически, и политически, к тому же фактически изолированной от европейского сообщества. Пока шел длительный процесс восстановления, страны Запада ушли далеко вперед. Причем если раньше их развитие происходило в рамках феодального способа производства, то в XVII в. произошел переход на иную индустриально-капиталистическую стадию развития. Во 2-й половине XVII в. перед Россией возникла дилемма: либо дальнейшее медленное эволюционное развитие на основе традиционной системы ценностей, что уже в ближайшем будущем могло привести к еще большему

¹⁰⁴ Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Он же. Древняя Русь: опыт исследования социальной и политической борьбы. М., СПб. 1995.

отставанию и превращению в полуколонию или даже колонию Запада, либо проведение радикальных преобразований на основе полного или частичного заимствования западного опыта и максимальной концентрации скудных ресурсов в руках государства с целью сокращения экономического отставания и достижения паритета в военной сфере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.